

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ по ДОСТУПНОЙ ЦЕНЕ!

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Артем ТИХОМИРОВ

ПОЛЕ БОЯ

Народная фантастика

Артем Тихомиров

Поле боя

«ЭКСМО»

2014

Тихомиров А.

Поле боя / А. Тихомиров — «Эксмо», 2014 — (Народная фантастика)

Далекое будущее... Спецгруппа «Секиры» под командованием капитана Фаррела Джнахина – одна из лучших среди наемников с планеты Хибрания. «Секиры» много раз доказывали свою эффективность на поле боя, честно отрабатывая звонкую монету. Не было в галактическом Пространстве Неприсоединения хибранийца, который не мечтал бы попасть под начало капитана Джнахина. Но новый заказ едва не стоил Фаррелу репутации. Пока другие хибранийцы сражались с Транспортной Лигой за алмазный рудник, «Секиры» проникли в тщательно охраняемую... ловушку, выйти из которой, не потеряв воинской чести, почти невозможно...

© Тихомиров А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	34
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Артем Тихомиров

Поле боя

© Тихомиров А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

5021 год

*от подписания Элуанского Пакта
и образования Элуанского Союза*

Пролог

Пространство Неприсоединения. Мостаф. Северная оконечность острова Гун, долина Ффор.

Полтора года до начала Иззианской кампании

Бронетранспортер резко тормозит, и боковая дверь рывком отъезжает в сторону.

На это стоит посмотреть. Долина фонтанирует вспышками света – словно кто-то решил развлечься фейерверками... хотя нет, больше это напоминает ночную грозу, правда, без единой капли дождя. Земля содрогается от разрывов, желтые и голубые вспышки выявляют каждую неровность рельефа.

Я выпрыгиваю на каменистую почву одним из первых и теряю равновесие. Меня несет вперед, только чудом не падаю на брюхо. Но старания напрасны – сержант орет в эфире, чтобы мы ложились.

Нас заметили. Трассирующие от импульсных крупнокалиберных пулеметов шарят над нашими головами и вот-вот начнут бить прямой наводкой.

Все-таки падаю на живот, стараясь вжаться в землю. Микрофон закрытого шлема доносит до моих ушей вой установленных на бронетранспортерах орудий. О боги пустоты! Ближайшая к нам машина пытается сделать разворот, но ей мешают лежащие повсюду пехотинцы. Заднему БТРу повезло больше – он смог провести маневр, стремясь занять безопасную позицию за пригорком. Тот рыдван, из которого выскочил я, вынужден пятиться, поливая гряды далеких холмов рваными очередями.

Враг бьет в ответ. Нас плотно обстреливают, не давая поднять головы. Прижали да еще отсекали от единственной возможности добраться до окруженных.

Кто-то крупно облажался, решив, что высадить именно здесь группу подкрепления хорошая идея. По мне, так это просто куча дерьма. Что мешало БТрам проехать еще метров сто? Тогда мы получили бы шанс закрепиться в овраге посреди долины.

Между нами и окруженным 9-м батальоном – полоса хорошо отутюженной земли, которую *хушаны*¹ продолжают тщательно обрабатывать из плазменных орудий. Всякий раз, когда детонирует заряд, ночь становится ярко-синей на несколько секунд. Плазма раскаляет почву. Из-за дыма и пыли ничего не видно, шлемные сканеры почти ослепли...

Внезапная передышка падает на нас оглушающей тишиной, и долина погружается в крошечную тьму.

В такие моменты понимаешь, что война производит слишком много шума.

– Слушай приказ, – рычит голос сержанта в эфире. – Взвод-три, обеспечить прикрытие, остальные выдвигаются в направлении контрольной точки.

Я не в третьем взводе, так что заранее занимаю позицию для старта.

– Вперед!

Окруженные позиции 9-го батальона молчат, стрельбы не слышно. Может быть, произошло худшее, и парней нам уже не спасти. Связь отсутствует, поэтому сержанту приходится шевелить мозгами.

Что бы сделал я? Думаю, то же самое.

Вскакиваю на ноги и бегу вместе со всеми. Трусим, увеличивая темп. Тем временем наши БТРы отползают за пригорок, оставляя отряд на открытой местности практически без прикрытия. Теперь хушанам ничего не стоит прихлопнуть нас.

Все, что мы можем, – бежать, надеясь достичь оврага быстрее, чем враг решит, каким способом красочнее размазать нас по земле.

¹ Хушаны – члены террористических группировок, борющихся на Мостафе против колониальных властей Нимая.

Никто из тех, кто меня окружает, не новичок, мы все зарабатываем на жизнь войной. Но это не значит, что нам не страшно. Через бронезабрало мне хорошо видны лучи фонариков, выхватывающие из тьмы силуэты фигур в боевой экипировке. Никто не говорит ни слова.

Едва мы отбегаем метров на пятьдесят, как взвод-три снимается с места и следует за нами.

Враг потерял терпение уже через несколько секунд. На этот раз ему пришла в голову «великолепная» идея – попытаться захватить нас в плен; так как проделать подобный фокус можно было лишь с помощью превосходящих сил, края долины буквально закипели. В небо с шипением устремились ракеты, снова стало светло. В дрожащем злом свете мне были видны нестройные шеренги наступающих.

Они снова это делают – невероятно!

– Занять оборону, – кричит сержант. – В круг!

Проклятые хушаны умеют появляться неожиданно. Мостаф они знают куда лучше нас и недаром считают его своим, но при этом славятся и нелепой привязанностью к тактике психологических атак. Словно это может всерьез испугать тертого наемника. Бросившись на землю, я смотрю на врага через прицел штурмовой винтовки. Хушаны наступают в открытую, постепенно сжимая круг.

Примерно так же они смогли втиснуть остатки 9-го в распадок на краю Ффор.

– Огонь! – командует сержант. Тянуть смысла нет. Если враг подставляется, глупо отказывать ему в ответной любезности.

Ночь разрывают серии ярких вспышек. Мы палим из всех стволов, хорошо видя, как пули косят наступающих, как те падают. Выстрелы в ответ довольно беспорядочны. Из опасения попасть по своим на противоположной стороне хушаны долгое время не могут по-настоящему ответить на наш огонь. БТРы подключаются через несколько секунд после нашего залпа. У южной части долины каменистая земля превращается в сплошное месиво. Залпы башенных орудий сметаю несколько десятков террористов, остальные беспорядочно отступают.

Сержант командует атаку, отправляя второй взвод закрепить успех. У меня было что сказать по этому поводу, но сержант не тот, кто любит обсуждать свои приказы, к тому же когда, по его мнению, победа близка. Нет осла упрямее среди людей, чем бывалый хибраниец-ветеран.

Второй взвод преследует хушанскую пехоту, отступающую вверх по холму. Врагу удастся добраться до скалистой гряды, но не более. Мертвые тела скатываются по усеянному булыгами склону под нестройный треск импульсных винтовок «хозяев» Мостафа. Их попытки отстреливаться безуспешны.

Не ожидавшие такого шага с нашей стороны, террористы начинают отступление по всей протяженности своей линии. Мы продолжаем бить по бегущим.

Наверное, боги войны в ту ночь решили повеселиться, не иначе. Уже через минуту наша удача испарилась. Хушаны умеют показывать зубы – мы как-то выбросили это из головы, увлекшись азартом преследования. Думаю, не забудь сержант про овраг и не потеряй время, все сложилось бы иначе.

Нашим не дали взобраться на гряду, открыв огонь сверху из крупных калибров; неся потери, взвод-два начал отступление. Их погнали в нашу сторону, мы пытались помочь огнем, но не могли эффективно поражать засевших на высоте пулеметчиков из-за баррикады из камней.

Снова говорят минометы и пушки. Прямо на нашей позиции рвутся заряды. Я чувствую, как земля раскачивается подо мной.

Ощущение, что ты мышшь, попавшая в пустое ведро, и рано или поздно одна из петард, которые внутрь швыряет ребенок, разорвет тебя на куски.

Именно это и происходит с другими наемниками. Правда, благодаря броне, не всех осколки шинкуют, но силы взрывов достаточно, чтобы убить любую начинку внутри даже самой совершенной скорлупы.

Куски земли вместе с солдатами и частями тел взлетают в воздух, освещаемые резкими вспышками, перегружающими визор.

– Сержант мертв... – крик непосредственного свидетеля события тонет в дьявольском гуле и реве разрывов.

Командование может подавиться своим планом. Тем, кто уцелел, пора срочно валить. Ни о каком организованном отступлении больше не может идти речи.

Очень быстро долина становится одним кипящим котлом, мы разбегаемся кто куда, стараясь найти в земле хотя бы трещинку, чтобы забиться в нее. Это нелегко. Я же просто бегу, одержимый одной мыслью: если направление взял верное, то выход из долины – лучший вариант. Оттуда мы прибыли, там же, за глубокой седловиной можно спрятаться.

БТРы, стоявшие за пригорком, как-то сумели вырваться под огнем на открытое место. Я замечаю один из них случайно, когда выскакиваю из облака пыли. Боковая дверь транспорта открыта, некоторые солдаты пытаются забраться внутрь.

Пока я целую секунду размышляю, попытать судьбу или дуть дальше, БТР разлетается на куски. Буквально. Хушаны врезали по нему прямой наводкой чем-то тяжелым.

Взрывной волной, едва не сорвавшей броню с тела, меня отрывает от земли и бросает в пустоту. Я лечу какое-то время, ослепший и оглохший, а потом падаю. Помню еще, что качусь по камням... а там и чернота забытья.

Для большинства солдат на поле боя это означает конец пути, но мне везет. Да, боги войны в ту ночь повеселились на всю катушку, играя нашими жизнями. Многие не вернулись из долины Ффор, но я оказался в числе тех, кому выпал хороший жребий.

Наверное, мне нельзя было умирать.

Я должен был встретить Джнахина.

Глава 1

Мостаф. Си-зор. Временный перевалочный пункт Восточной группировки армии Нимая².

Несколько часов спустя

Он был просто одним из наемников и удостоился внимания лишь потому, что команда медтехов хотела убедиться, что у него все в порядке.

Выживших оказалось примерно полторы дюжины из сорока пяти. Десять тяжело раненых, почти без шансов. Таг мог с ходу определить, кому из них уже не светило когда-нибудь покинуть Мостаф.

После того как штурмовика подобрала спасательная команда, его и многих других привезли в Си-зор и запихнули в громадный ангар, примыкающий к посадочной площадке. Она была достаточно велика, чтобы принимать транспортные корабли. Взлет и посадка каждого из них сопровождалась гулом и вибрацией, пробегающей по перекрытиям строения.

Последствия контузии ощущались до сих пор; хибраниец огляделся.

Уже мертвых солдат роботы из медкоманды раскладывали возле стены. Выглядели трупы неважно, некоторые добрались до Си-зор по частям и не в полном комплекте. Их броня и оружие валялась кучей в углу, и никому не было дела до вещей мертвецов. Таг удивился, что вообще кто-то стал тратить время на сбор этого мусора.

Раненых устроили с другой стороны. Возле коек-каталок суетились военные медики с Нимая. Работа шла споро. Диагностика, оказание необходимой помощи и отправка в стационарный госпиталь. Тех, кого лечить было бесполезно, клали в сторону, накачивая обезболивающими, после чего они поступали в распоряжение военных чинов. Бюрократы в форме должны были позаботиться о судьбе умирающих согласно букве контракта.

– Боец... – Человек в спецовке медкорпуса нимайских вооруженных сил стоял прямо перед Ирганом. – Боец...

Хибраниец оторвал взгляд от мечущегося под манипуляторами робота-санитара раненого. Дженар вопил и мяукал, словно громадный кот. В сущности, дженар и есть кот.

– Да...

– Вас проверяли? – Нимаец держал в руке сканер быстрой диагностики.

– У меня все нормально... – Тагу показалось, что он кричит. Контузия, кажется, повлияла на его слух.

Нимаец кивнул, разглядывая графические данные на дисплее, затем посмотрел на броню наемника. Покачал головой.

– Вам повезло...

Он знал, что случилось с отрядом, посланным на выручку 9-му батальону, и хотя слухов было больше, чем официальной информации, никто не сомневался, что командование облажалось.

Или разведка – на нее удобнее всего свалить всю вину. Никто не знал, что хушаны готовили ловушку, никто не знал о хорошо укрепленных позициях на краю Ффор и орудиях, спрятанных за скальными гребнями.

Что мешало дронам-шпионам прочесать местность с высоты?

Таг ничего этого не знал, у него было чувство, что некоторые свои части он оставил на поле боя. Детали броска в долину, высадки и боя хибраниец помнил лишь фрагментарно, зато в памяти отлично отпечатался взрыв, едва не отправивший его к праотцам.

² Нимай – мир в Пространстве Неприсоединения.

Год назад Ирган хорошо потрянул мощной, чтобы купить свою нынешнюю экипировку. Сегодня ночью она спасла ему жизнь, хотя, кажется, придется теперь ее выкинуть. Большая часть сегментов, принявших на себя удар взрывной волны, термического воздействия и осколков, пришла в полную негодность.

На взгляд медика, Таг – внешне, по крайней мере, – мало отличался от мертвеца. Лицо покрыто грязью и копотью, волосы слева подпалены почти под корень. Шлем был разрушен взрывом, но он позаботился о голове, с честью выдержав испытание.

– Вы использовали ПМК³?

– Да... – кивнул Ирган. Все было как во сне, из которого не вырваться.

Нимаец заглянул ему в глаза.

– Кажется, сотрясения мозга у вас нет, но я бы рекомендовал вам пару-тройку дней покоя. Скоро прибывает транспорт, который отвезет вас и... других... в Осми. Там формируют новые подразделения. – Оглянувшись на выживших, сидевших кучкой посреди ангара, человек нахмурился. – Ждите. Скоро подвезут горячее питание. Если почувствуете себя плохо, обращайтесь.

Таг пообещал, что обязательно воспользуется приглашением. Нимаец, наконец, ушел, оставив его одного.

Лишившись оружия – в куче хлама его винтовки, увы, не оказалось, – наемник чувствовал себя как без рук. Бросив взгляд на оставшихся в живых товарищей, хибраниец поморщился.

Выжили не лучшие представители его ремесла. Пятеро людей были откуда угодно, но только не земляки Тага, а еще брайши, дженары и один ломар. Они пришли сюда за длинным кредитом, когда Нимай начал набор для кампании на Мостафе, но кто из них был настоящим экспертом? Таг неплохо знал лишь некоторых бойцов из своего подразделения. Никто из них не вернулся. По иронии судьбы, счастливыми оказались форменные неумехи, *сэгази*⁴, «пушечное мясо», типичные самоуверенные новички, каких пруд пруди.

Любое командование на любой войне обращается с такими одинаково небрежно.

У Тага не было никакого желания разговаривать с кем-либо, поэтому он остался на месте, у пирамиды контейнеров с военной маркировкой. В свою очередь, наемники не обращали внимания на него. Никто не издавал ни звука. Одни сидели, тупо уставясь в стену блестящими глазами, другие лежали на полу, пытаясь уснуть, кто-то хмуро начищал части брони, лишь бы чем-нибудь себя занять. Время тянулось невыносимо долго.

Таг почувствовал тошноту. Несмотря на противошоковые препараты, входящие в ПМК, его так и норовило вывернуть наизнанку. Особенно когда на него накатывала стоявшая в ангаре вонь мертвой плоти, крови и страха.

Сев на пол и обхватив руками колени, Таг Ирган закрыл глаза. Внутри его до сих пор билась дрожь, а перед внутренним взором стояла ослепляющая вспышка, в которой погиб транспорт с полудюжиной солдат.

Таг не мог видеть человека, вошедшего в ангар со стороны посадочной площадки.

Сделав несколько шагов, гость остановился, чтобы осмотреться. В руке у него был шлем, свет ламп отражался от черной, с серым отливом брони, характерной для большинства хибранийских *файканн*⁵. Волосы коротко стрижены, виски смазаны сединой, профиль орлиный, у левого глаза небольшой шрам. Прищурившись, незнакомец с четко различимой эмблемой на левом наплечнике скользнул взглядом по ангару. Знак – скрещенные секиры под тремя звездами – указывал, что *файканн* не просто наемник, а командир своего собственного отряда. Как

³ ПМК – полевой медицинский комплект.

⁴ Сэгази (*хибр.*) – детеныши.

⁵ Файканн – дословно: натасканный пес. Прозвище наемников-ветеранов с Хибрании (*хибр.*).

говорили соплеменники Тага: *вениар*. На современном *хибо*⁶ это слово значило просто «вожак» и было очень старым, не употребляющимся больше ни в каких иных случаях.

Незнакомец сошел с места. Его шаг был легким, движения отрывистыми и ловкими. Уже через несколько секунд он очутился в той зоне ангара, где раненым оказывали помощь. Заговорил с медтехом, который здесь командовал. Тот бросил взгляд на гостя, недовольно помотал головой. Незнакомец повторил вопрос. Нимаец махнул рукой в сторону кучки выживших, заглянул в свой инфопланшет и что-то сказал. Гость кивнул, поблагодарил и отошел.

Обойдя наемников стороной и особо ими не заинтересовавшись, он вдруг заметил сидящего в пространстве между ящиками Тага. Убедившись, что солдат не видит его, подошел ближе. Ожидание длилось почти полминуты. Незнакомец оказался терпелив.

Наконец, почувствовав, что уже не один, Таг поднял голову. Он успел даже задремать, но дрема слетела с него в один момент.

– Здравствуй, сынок.

Первым делом Таг убедился, что перед ним не офицер-нимаец, перед которым ему полагалось соблюдать субординацию, а следовательно, остался на месте. Но, тем не менее, напрягся – человек в черной броне говорил на хибо.

И вообще – чутье Тага не могло ошибаться – он сам был хибо с ног до головы.

– Добрый день, – буркнул Ирган.

Странно. Словно какой-то сон.

– Позволишь? – спросил незнакомец, подходя ближе.

Штурмовик кивнул.

– Меня зовут Фаррел Джнахин.

Его выговор был «центральным», классическим, следовательно, он с Хибрании. Таг бросил взгляд на эмблему на его плече и ее дубликат меньшего размера на нагруднике у сердца.

И вот этот самый Фаррел Джнахин, появление которого навсегда изменило жизнь Иргана, присел рядом и положил шлем перед собой.

Словно они были давними приятелями.

– Таг Ирган...

Кивок.

– Вижу, ты остался один.

– Да. наших положили сегодня ночью в долине. – И добавил: – А я даже не помню, как здесь очутился.

Вблизи у Фаррела обнаружились темно-серые глаза. Они не были колкими, но это не значило, что им не дано было заглядывать в самую глубину.

Смутившись, Таг отвел взгляд. Он чувствовал стыд, что остался жив.

– К вам шла помощь, – сказал Джнахин, – но, увы, несколько запоздала. Когда вас накрыло, «Стервятники» были в паре минут от долины и сразу вступили в бой. Обстрел прекратился, когда накрыли огнем с воздуха артиллерию хушанов.

– Нимайцы облажались, – сказал Таг.

– Да. К их чести, они это поняли довольно быстро. Насколько я знаю, возникла путаница. Связь была плохой, и сержант, который командовал вами, не так понял приказ.

– Он высадил нас раньше?

– Ты это и сам понимаешь, сынок.

Тагу не очень нравилось, что фэйканн называет его так.

– А 9-й батальон?

– На них давили слишком сильно, – пожал плечами Фаррел. – Вы все равно ничего не смогли бы сделать. Парни погибли.

⁶ Хибо – так называют свой язык и в целом его диалекты сами хибранийцы. Нередко это слово выступает в роли этнонима.

Все четыре роты, подумал Таг. Там было немало наших. Проклятье.

Он попытался вспомнить имена друзей. Не сумел. Может, это было и к лучшему, Таг просто не успел обзавестись крепкими связями, ибо на Мостаф попал относительно недавно.

– Сколько ты здесь? – словно прочтя его мысли, спросил Фаррел.

– Два месяца.

– Ваш полк сейчас расформирован. – Джнахин покосился на его броню, от которой осталось фактически одно название. – В Осми собирают новые подразделения для операции на мысе Нитаб. – Наемник не смотрел на него, а разглядывал кучку выживших. Таг пробовал понять, о чем этот человек думает на самом деле. – Я тоже буду участвовать. Я и мои люди.

Таг взглянул на узор из мелких царапинок на шлеме Фаррела. Словно это были письма, имеющие определенный смысл.

– Знаешь, – сказал Джнахин, – у меня всегда был нюх на людей... тех, с кем я могу сработаться...

Ирган перевел на него взгляд.

– А еще я верю в судьбоносные встречи, – добавил наемник. – Такие, как эта...

Таг хмуро молчал, не в силах еще собрать мысли воедино. Он не понимал, к чему клонит Фаррел.

– Хочешь присоединиться ко мне?

– К вам?

– У меня в некотором роде отряд. «Секиры». Ничего особенного, но работаем. Сейчас нам не хватает одного. Ты ведь штурмовик?

– Да.

– Отлично. Если согласишься, будешь шестым.

Таг покосился на скрещенные секиры и звезды на наплечнике Фаррела.

– Так вы здесь за этим?

– Да. Не искал конкретно тебя, Таг, но определенно хотел присмотреть кого-нибудь из наших.

– Но командование...

– Не беспокойся об этом, у меня карт-бланш. Могу взять любого бойца из любого подразделения, если захочу, однако, откровенно говоря, предпочитаю своих.

Хибранийцы всегда и везде старались держаться вместе, чем бы ни занимались, а основным занятием их была война или свободная охота. Нередко и то, и другое.

Фаррел ждал. Кажется, времени в запасе у него была вечность.

– Откуда вам знать, гожусь я или нет, – сказал Таг.

– Чутье, – кивнул тот. – И потом – ты все равно будешь на испытательном сроке, сынок.

Мыс Нитаб покажет, насколько ты хорош. Учти, работы будет немало.

Ирган пристально взглянул на него.

– И все же: вы прибыли сюда за мной? Вы *меня* искали?

Вокруг глаз Фаррела резче обозначились морщинки.

– Bravo, солдат. Ладно, сдаюсь, ты вывел меня на чистую воду... Да, я наводил справки и прилетел посмотреть на тебя... – Джнахин вынул из поясного отделения брони брикет черного шоколада и предложил Тагу. Штурмовик отказался. – Я знаю, что ты учился у Тэйнора Ээла. С десяти до двенадцати лет. Затем у Расы Ботуджа. С тринадцати до восемнадцати.

Фаррел действительно знал, но в этом не было ничего удивительного. Любой хибраниец за пределами родного мира и общин в других колониях знает, куда обратиться за информацией. У файканна, очевидно, связи были куда разнообразнее, глубже и крепче, чем у простого наемника.

– Раса оформила *ведлеск*⁷ на твое имя, верно?

– Да.

– Она также оформила брак.

– Раса... – Фаррел копнул глубоко. – Мы поженились, когда мне было семнадцать, а через год она погибла. – Таг не любил откровенничать с чужими, но этот чужой был совершенно особым; штурмовик поймал себя на мысли, что подспудно думает о Фарреле как об отце, которого никогда не видел. Все решили какие-то минуты. – Ее убил один ублюдок... брайши Прак Лису.

– Который потом погиб странной смертью, – улыбнулся наемник. – Точнее, исчез бесследно.

Таг бросил на Фаррела злой взгляд.

– Он исчез, – подтвердил штурмовик. – После того, как я нашел его в одном из притонов на окраине *Сарго Бенида*⁸. Брайши не узнал меня, да и не мог, но я напомнил ему Расу.

Джнахин улыбался, но его глаза были холодны, как бездна космоса.

Никто не может упрекать хибранийца, мстящего за мать, жену или сестру. Это право священно и имеет силу закона согласно *Сумеречному кодексу*⁹.

– Я позаботился, чтобы Лису умирал долго, – добавил Таг.

Фаррел помолчал, но понял, что Ирган не стремится открывать карты. Но кое-что файканн знал и сам.

– Ты покинул *Ширну*¹⁰ и с той поры воюешь. И ни разу не работал в качестве свободного охотника.

– Не работал. Мое место на поле боя.

– Из-за Расы? – Ботуджа была немало известна среди собратьев умением выслеживать добычу и решать возникающие проблемы быстро и эффективно. Хотя за ликвидацию, если к этому ее не подталкивала нужда, бралась редко. Когда Фаррел услышал, что Раса взяла ученика, то был удивлен. Ему казалось, она не из тех, кто связывает себя обязательствами. Охотница не относилась к числу *этсаран*¹¹, и таких женщин в нынешние времена становилось все больше. Хибранийки выбирали независимость, однако материнский инстинкт нередко заставлял их совершать неожиданные поступки.

Единственный ученик Ботуджи сидел теперь рядом с Фаррелом, и Фаррел был рад, что парень выжил. Раса могла его многому научить, да и кампаний Таг провел немало за эти пять лет. Чего только стоит заварушка, называемая «экваториальным инцидентом», на *Маммише*¹², где на маленьком острове у побережья группа солдат удачи три недели держала оборону против регулярных сил маньяков из *Священного Ордена Джамога*¹³.

В общем, Таг давал понять, что о своей жене говорить больше не собирается. Он был типичным рано повзрослевшим хибранийцем-*нобар*¹⁴, выбравшим традиционное для своего народа ремесло. Таким, как Таг, жизнь редко предлагала широкий спектр возможностей в

⁷ Ведлеск – право наследия, которое дается одним хибранийцем другому вне зависимости от степени родства. Ведлеск могут получить как приемные дети, так и ученики наставников (*хибр.*).

⁸ Сарго Бенид – город на Пилитране.

⁹ Сумеречный кодекс – полуофициальный свод законов и правил для хибранийцев.

¹⁰ Ширна – планета в Пространстве Неприсоединения. Одно из мест, где есть община хибо.

¹¹ Этсаран – дословно: мать. Хибранийка-наемница, имеющая детей (официальный брак не обязателен) или учеников, с которыми у нее складываются близкие отношения. Известны охотницы, у которых было по пять-шесть собственных детей от разных отцов и несколько воспитанников (*хибр.*).

¹² Маммиш – планета в ПН.

¹³ Священный Орден Джамога – влиятельная секта в ПН, известная своей экспансивной политикой в отношении «заблудших», не разделяющих ее религиозных взглядов. На Маммише колонисты пытались защититься от ее регулярной частной армии с помощью наемников. В одной из таких кампаний участвовал и Таг.

¹⁴ Нобар – название хибранийских переселенцев, живущих за пределами родного мира (*хибр.*).

выборе карьеры. Сам Фаррел никогда не слышал о своих соплеменниках, ставших учеными, музыкантами или банкирами. Основная часть хибо всю жизнь проводила в боевой броне.

Молчание затягивалось.

Фаррел понимал – Таг просто не расположен говорить. Несколько часов назад он пережил такое, что имеет право побыть в одиночестве.

– Сейчас я ненадолго уйду, – сказал Джнахин, поднимая с пола шлем и разглядывая его с интересом, точно впервые. – А когда я вернусь, ты дашь мне ответ. Поверь, сынок, это твой счастливый шанс. – За этим последовал панибратский хлопок по плечу.

Фаррел встал, потянулся и сделал несколько шагов.

– А что за работа на мысе Нитаб? – спросил Таг, не сдержав любопытства.

Хибраниец обернулся, держа шлем в опущенной руке.

– Самая обычная. Скрытая высадка, проникновение, ликвидация.

– Я никогда не был в спецгруппе, – напомнил Ирган, облизнув сухие губы.

Предложение Фаррела было дьявольски соблазнительным, но природная осторожность мешала штурмовику дать ответ немедленно. Про частные отряды говорили много, попасть в них мечтал каждый второй хибо, но счастливый билет выпадал далеко не всем. Особенной удачей считалось, когда капитан сам предлагал тебе контракт. Таг лишь сейчас осознал, каким везунчиком заделался. Уже то, что он выжил в долине Ффор, было феноменальной удачей, и никто в здравом уме на большее рассчитывать просто не мог. Но, видят духи и боги войны, это случилось! Ему выпал треклятый джек-пот.

Фаррел задержал на нем взгляд, ожидая еще какого-нибудь вопроса. Старый пес видел штурмовика насквозь.

Тагу пришло в голову, что, наверное, старик хорошо знал Расу и даже имеет перед ней какие-то обязательства. Такое в среде профессионалов не редкость. Подняв глаза, он обнаружил, что Фаррел исчез, просто испарился.

Поводив взглядом, хибраниец увидел ту же самую картину. В ангаре все вели себя так, словно ничего не случилось. Для остальных он словно бы умер и стал призраком, неинтересным настолько, что никто даже не смотрел в его сторону.

Подобное чувство одиночества Таг испытывал только однажды, когда потерял первого учителя, – Тейнора Ээла. Разглядывая труп наемника, на короткое время заменившего ему отца, Ирган ощущал себя песчинкой в громадном океане, где вес воды неимоверен и безжалостен. И еще был страх, тот самый, от которого трудно избавиться даже отчаянным храбрецам. Первобытный страх. Нерассуждающий. В долине Ффор Таг снова попробовал его на вкус... и это было нормальным. Раса Ботуджа говорила, что не боится только мертвец. В первую их встречу Таг подумал, что какая-то богиня снизошла до него и решила взять под свою опеку. Ээл не учил мальчика управлять страхом, только подавлять, но Раса действовала иначе. Сразу почувствовав, что ребенок нуждается, прежде всего, в заботе и ласке, Ботуджа сделала все, чтобы избавить его от чувства вины. Таг был уверен, что учитель погиб из-за его нерасторопности. Конечно, он ошибался, однако Расе понадобилось немало времени и терпения, чтобы убедить его в обратном. Таг был ей благодарен.

Фаррел Джнахин появился подобно другим наставникам – в критический для Тага момент. А потом исчез, оставив штурмовика размышлять о неведомом промысле судьбы. Словно решил преподать Иргану свой первый урок...

Судьба.

Это было то, во что традиционно верят хибранийцы, для которых, тем не менее, предопределенность событий никогда не была поводом для капитуляции. Многие считали их чокнутыми из-за их феноменального упрямства в борьбе с фатумом и желании все равно поступить по-своему, несмотря на бессмысленность борьбы. Хибраниец не бежит с поля боя, он предпочитает смерть. Так – в шутку или всерьез? – утверждает Сумеречный кодекс. Трусость

неприемлема для народа-бойца, и это первое, что объясняют ребенку, готовому взять в руки оружие.

В долине Ффор все было иначе.

Таг бежал, он спасал свою жизнь, не раздумывая, отдавшись на волю того самого первобытного страха; было ли это правильно? Наверное, да, потому что есть разница между суицидальной безрассудностью и глупостью и настоящей отвагой. Иногда ради победы приходится и отступать... так говорила Раса Ботуджа, которая, в отличие от прямолинейного и жесткого Ээла, предпочитала гибкость и импровизацию.

Сколько прошло времени, Таг не заметил, но Фаррел снова возник перед ним, неслышно, незаметно. Раз – и уже стоит и смотрит выжидающе.

– Что? – спросил Ирган.

– Я утряс все формальности. С этого момента ты поступаешь в полное мое распоряжение, – сказал фэйканн. – Ты работаешь только на меня, подчиняешься только мне. Считай, сынок, что я и в самом деле твой отец.

Вот так сразу. Это было в манере и Тэйнора Ээла. Тот сразу обозначил свою роль, предлагая либо смириться, либо разойтись в разные стороны.

Таг помедлил.

Проклятый Фаррел знал, каков будет ответ.

– Если, – тем не менее, добавил он, – ты согласен.

– Согласен, – ответил Таг.

Судьба. Когда она благосклонна к человеку, в нее поверить куда легче.

Фаррел широко улыбнулся и снова хлопнул штурмовика по левому наплечнику, похожему на кусок обгорелого папье-маше.

– Что ж, добро пожаловать на борт, сынок. Кстати, справим тебе новый костюмчик. Не возражаешь?

Таг поднялся с пола, чувствуя себя странно. Он шел за Фаррелом к посадочной площадке через весь ангар и ловил на себе чужие взгляды. Наконец, на хибранийцев обратили внимание. Уцелевшие наемники с удивлением смотрели на эту странную пару, словно на самом деле здесь их была целая армия, готовая к параду. Таг кивнул своим бывшим сослуживцам. Подумав, махнул рукой. В ответ было лишь хмурое молчание. Никто не проронил ни слова, никто не пошевелился.

Выйдя за пределы ангара, штурмовик увидел садящийся в клубах пыли старый военный транспорт.

– Мой скоггер... – Джнахин указал на дальний край площадки и, не взглянув на Тага, свернул влево, чтобы обойти зону погрузки-выгрузки стороной. Роботы под надзором теха укладывали контейнеры в аккуратные пирамиды.

Штурмовик пристроился за своим новым капитаном.

Капитан. Теперь, наверное, так Иргану следовало называть Фаррела. На этот счет у наемника пока уверенности не было.

Слушая сухой дребезжащий гул старого двигателя грузовика, он обернулся. Разумеется, никто не вышел пожелать ему счастливого пути, да штурмовик этого и не ждал; только убедился, что все идет своим ходом.

Для большинства наемников в Галактике хибранийцы были не очень желанными персонами. Тех же брайши, державшихся обособленно, считали едва ли не аристократами, хотя именно эти фисташковые и есть самые настоящие снобы.

Хибо никогда ни на кого не смотрели как на существ ниже себя. Понятие «другой» для них не равнялось понятию «хуже». Тэйно́р Ээл говорил Тагу: «Если хибранийцы и есть... чужие... но на этом зацикливаются все, кроме нас, поэтому не бери в голову, парень. Все, что от нас нужно работодателям, – это хорошо выполненная работа».

Таг прищурился от пыли, бьющей в глаза. Она пахла металлом и чем-то органическим, словно транспортник долгое время использовали для перевозки провизии.

Пока хибранийцы не добрались до скоггера, Фаррел не проронил ни слова. Казалось, он просто гуляет и ему нет никакого дела, что на Мостафе война и вокруг прифронтовая территория.

– У тебя разве нет вещей, сынок? – спросил файканн, задержавшись у люка, опустившего язык пандуса.

– Нет.

То, что оставалось в казармах полка в Тойбрене, не имело для Тага никакой ценности. Мелкие личные вещи он носил с собой в отделениях брони, а на войну никогда ничего не брал настолько большого, чтобы оно мешало или привязывало к какому-то месту.

И уж точно Таг не будет горевать о паре гигиенических наборов и сухом пайке, положительно самом дрянном из тех, что когда-либо получал от нанимателя.

– Отлично.

Фаррел забрался в свой трехместный скоггер, Таг последовал за ним. Корабль был не новый, но так лишь казалось на первый взгляд. Начинку, как заметил штурмовик, сменили целиком, нашпиговав посудину кучей крутых девайсов. Ирган подумал, что лодчонка эта в самый раз для вольного охотника, проводящего жизнь в скитаниях по Галактике. Неказистая с виду и смертоносная на практике, способная вести бой в космосе и в атмосфере, а не только удирать. Большинство наемников-одиночек предпочитают именно такие. Раса Ботуджа не была исключением, и после ее смерти скоггер «Откровенность» достался Тагу.

Штурмовик устроился в кресле, застегнул ремни. Фаррел что-то насвистывал, словно забыв о новом пассажире. Включив борткомп, капитан взялся за штурвал и поднял корабль в воздух.

Таг некоторое время смотрел на голоэкрэн, где отражался вид с наружных камер скоггера. Ангар и посадочная площадка уменьшались, пока не стали неразличимыми, скрывшись в клубах пыли. Вскоре скоггер оказался среди облаков.

Штурмовик закрыл глаза.

Пространство Неприсоединения. Фаастен.

Окрестности Шосс-ми-ми.

Точка – сто тринадцать метров над уровнем моря.

Год до начала Изманской кампании

Второй спутник, круглый и красный, как глаза лигонской змеи-циклопа, показался из-за гряды холмов всего несколько минут назад, но успел взобраться довольно высоко в небо. Спутник побольше, первый вступивший в гонку, давно облюбовал местечко у зенита и взирал на западное полушарие Фаастена с молчаливым презрением.

Красный и желтый цвета лун смешивались, создавая чудной окрас сумерек.

Асура Ким пролежала на животе почти три часа кряду и чувствовала теперь скованность в плечах. Мышцы начали деревенеть.

Осторожно повернувшись на правый бок, хибранийка подтянула колени к груди, сжалась как можно сильнее в позе эмбриона, задержав дыхание.

Распрямившись, проделала то же самое на левом боку. Кровь резвее побежала по жилам, в голове слегка прояснилось.

Вернувшись в исходную позицию, Асура коснулась пальцем визора, опоясывающего голову. Перед глазами развернулась тактическая голосетка. Сканер показывал то же, что и раньше. Клиент до сих пор не появился. Рабочие на площадке, усердно вкалывающие целый день, готовились сворачиваться.

В бригаде состояли исключительно фаастенские туземцы-джудеки, похожие на рептилий. Их выносливость и непритязательность по части условий труда чрезвычайно нравились местным воротилам-омнаисам¹⁵, успевшим прибрать к рукам всю местную сельскохозяйственную сферу. Асура пробыла на Фаастене три дня и видела всегда одну и ту же картину. Джудеков использовали в качестве умной рабочей скотины. В отличие от роботов, требовавших ремонта и как минимум одного теха-бригадира, туземцы могли позаботиться о себе сами и были чрезвычайно неприхотливы в «обслуживании».

А еще они хорошо строили омнаисам особняки в живописных местах, подобных этому.

Асура не могла не признать, что существо, которое ей поручили убить, обладает вкусом. Небольшая долина, покрытая нежно-лазуритового оттенка травой, холмы, густо усаженные мелкими деревцами, сеть серебристых ручьев и крошечных заводов – все это стоило немало, если учесть, что в будущем хозяин особняка планирует продать свою скромную хижину.

Место для нее выбрали тщательно, чтобы как можно меньше вторгаться в ландшафт. Свою задачу строители поняли великолепно, да и кто лучше туземцев позаботится о природе родного мира? По всему выходило, джудеки и в этом отношении выгоднее роботов-строителей.

Сквозь голограмму Асура наблюдала за рабочими и их деловитой суетой. Охотница уже знала каждого из аборигенов в лицо и могла сказать, кто как работает и у кого какие привычки. Откровенно говоря, вид этих постных чешуйчатых физиономий стал ей надоедать. Она устала от бездействия и с трудом выдерживала томительное ожидание.

Не очень хорошая черта для профессионального снайпера – Лам Лаа этого бы точно не одобрила.

Снайпер не тот, кто умеет метко стрелять, учила она, но тот, кто способен дождаться нужного момента...

Да, все верно, только вот иногда этого момента приходится ждать слишком долго. Если ты не на поле боя, где целей полным-полно, можно просидеть в засаде несколько суток, не сходя с места. И все ради одного-единственного выстрела.

Что ж, Лам Лаа – ее Нийока, Мотылек, – конечно, была права. Она отлично умела заставить Асуру чувствовать себя неумехой.

Винтовка стояла на сошках, наемница взялась за приклад и взглянула в оптический прицел. В нем не было электронной начинки, ее научили работать в старом стиле, безо всяких примочек, облегчающих поиск цели. Только глаз, только твердая рука и спокойное дыхание.

Рабочие сложили свои пожитки в механические тележки и взобрались на них сами. Двое уселись за рычаги управления.

Асура на миг прикрыла глаза, ощутив приступ злости. День насмарку! Информация, данная ей заказчиком, либо неверна, либо у Юбнона Стойма поменялись планы на сегодня.

Она поводила винтовкой из стороны в сторону, активировала на визоре функцию инфракрасной подсветки, надеясь в сумерках увидеть транспорт с омнаисом. Но в долине были только рабочие и она сама, лежащая в засаде, – в самой удобной точке, откуда можно вести огонь по стройплощадке. Сто тринадцать метров над уровнем моря, кустарник, камни, удобная ложбинка, где, собственно, Асура устроила огневую точку. Позади нее была даже расщелина в скале, словно нарочно приспособленная для ночлега.

Найти столь удачное место получается отнюдь не всегда. Здесь, по крайней мере, сухо и не воняет, как в некоторых дырах, где раньше Асуре приходилось ждать добычу.

Охотница видела, как тележки с джудеками тронулись с места. Рабочие возвращались в свой лагерь в окрестностях городка Шосс-ми-ми; можно было слышать в тишине их хриплые булькающие голоса. Небольшой караван обогнул озерцо у западного края долины и исчез за стеной зарослей.

¹⁵ Омнаисы – раса, вышедшая с планеты Патаймэ.

Асура снова посмотрела на стройплощадку, сверилась с показаниями сканера. Аборигены уходили все дальше, и, если не считать их, она была одна в радиусе как минимум пяти километров.

Тихо выругавшись, Асура надела защитный колпачок на объектив и окуляр прицела и убрала винтовку в специальный футляр.

Перевернувшись на спину, несколько минут она лежала, глядя на звезды, большую часть которых затмевал свет лун.

Если Стойм изменил свое расписание, значит, что-то случилось. А именно? Омнаис посещал стройплощадку раз в неделю и в одно и то же время; заказчики уверяли – по нему можно часы проверять. И вот этот паршивый сквалыга взял и не появился. Может, почувствовал, что визит не кончится ничем хорошим?

Случалось, секретная информация утекала, и клиент, узнав о готовящемся покушении, просто брал ноги в руки. Само собой, заказ аннулировали. Исполнитель получал долю гонорара в качестве компенсации и отваливал – если, конечно, заказчик не прочь был заплатить еще. Искать беглеца на просторах Галактики непросто, но для профессионала вполне осуществимо. Правда, сама Асура поисками никогда не занималась. И Лам Лаа тоже. Снайперка и так кормила ее неплохо.

Теперь нет нужды маскироваться. Асура встала и проделала несколько упражнений, чтобы восстановить форму и разогнать кровь. Ночной ветер гладил ее отросшие после последнего бритья под ноль волосы.

Фаастен был планетой с мягким климатом, где большую часть года на обоих полушариях царствовало лето. Омнаисы, обожавшие комфорт, не напрасно выбрали именно ее.

Асуре тут нравилось, Фаастен напоминал ей родную планету, ту, где она родилась и где жила до десяти лет, пока не встретила Лам Лаа. Обстоятельства этой встречи нельзя было назвать обычными. Если бы не наемница, Асура погибла бы в тот злополучный день... при благоприятном развитии событий. В ином случае ее ждали бы года рабства и медленная и мучительная смерть в конце.

Асура стремилась выбросить из головы тревожные воспоминания. Иной раз они накатывали, поглощая сознание и вызывая дурноту. Даже спустя столько лет старые раны нет-нет да и давали о себе знать.

Потратив несколько минут на сбор валежника, Асура разожгла в ямке небольшой костер. Ночная тьма пошла неровными сполохами, дрова тихо затрещали.

Хибранияйка вытащила из сумки саморазогревающийся паек, дождалась, когда пища достигнет нужной температуры, открыла клапан. Желудок, с утра не получавший даже воды, болезненно сжался.

Медленно, смакуя каждый кусочек жаркого, Асура съела все и, сытая, уселась возле расщелины с фляжкой в руке. Отпивая по глотку смесь кулонского белого кофе с добавлением коньяка, она смотрела на догорающие дрова. Тепло расплзлось по телу.

На Фаастене можно застрять еще как минимум на три дня. Ровно такой срок указан в ее контракте на случай неявки клиента. Стрелок ждет трое суток, после чего имеет полное право собрать манатки.

Однако при таком раскладе Асура теряет кучу денег, и это нехорошо. Мысленно подчитав барыши, грозившие помахать ей ручкой, охотница прошептала проклятие.

Дерьмовая работка, халтура. Будь у нее другие предложения, она бы никогда не связалась с омнаисами и их тугими кошельками. Больше всего Ким ненавидела работать на деляг, но, увы, таких в Галактике пруд пруди и услугами вольных охотников они пользуются чаще других. Криминальные разборки, борьба за передел собственности и сфер влияния, устранение конкурентов и бывших партнеров по бизнесу – тучные нивы, на которых, как считается, пасутся наемники разных мастей. Асура солгала бы, сказав, что никогда не бралась за такие заказы,

но ей нравилось убеждать себя в том, что ее винтовка уменьшает зло. Она могла убить одного бандита по заказу другого, следовательно, одним бандитом будет меньше. Эта нехитрая логика помогала и Лам Лаа мириться с неизбежными моральными издержками ремесла. В конце концов, убивает оружие, а не человек, а хибраниец со стволом – оружие, вдвойне опасное.

Юбнон Стойм был одним из тех, кто наживался на Фаастене и его туземцах. Омнаисы взяли планету себе в собственность и беспрестанно перекраивают ее, деля прибыли. Когда-то и Юбнон нанимал охотников, чтобы тихо устранить пару-тройку конкурентов; теперь вот настала его очередь; в обществе трансгалактических воротил это было в порядке вещей. Убив Стойма, Асура никогда не станет сожалеть о содеянном.

Раздражала необъяснимая непунктуальность клиента. Увы, Асура не обладала таким железным терпением, как Лам Лаа, и вынужденное безделье сводило ее с ума.

Вынув винтовку из чехла, охотница принялась разбирать ее; разборка и чистка всегда помогали переключить мысли в другом направлении, однако на этот раз было иначе. Воспоминания стали только ярче. Асуре казалось, не ее руки ловко перебирают модули оружия, а Лам Лаа... Еще немного – и в тишине зазвучит негромкий голос Нийоки, который нельзя спутать ни с каким другим. Голос матери нельзя забыть; Лам Лаа и была ею, от первого до последнего дня.

Хибо редко умирает в своей постели, и охотница не стала нарушать традиции. От нее осталось совсем немного.

Асура часто думала о том, что так и не стала прилежной ученицей. Всегда что-то мешало, что-то шло не так. Лам Лаа ни разу не говорила ей, но девушка догадывалась: все дело в том, что она не хибранийка. Не настоящая. Предки Ким были фермерами невесть в каком поколении. Смысл их бытия заключался в постоянной борьбе за существование, но никто из них не мог и помыслить о нарушении привычного порядка.

Она помнила своих родителей, молчаливых, привыкших к тяжелой, отупляющей работе людей, чуряющихся всего непонятного и нового. Замкнувшись в собственном мире, они просто пытались выжить в той среде, которая досталась им по праву рождения.

Асура опустила взгляд на тлеющие угли...

На Лимее говорят, что там нет климата – настолько он изменчив и непредсказуем. В тех широтах, где фермеры занимались выращиванием хлебных деревьев, погода постоянно преподносила сюрпризы. Неделя жары резко сменяется неделей ледяных ветров и осадков. Посреди зимы может внезапно наступить лето, когда от перепадов температуры в тридцать и более градусов в течение дня начинают трескаться скалы. Асура хорошо помнила этот звук. Камни стонали под нещадно палящими лучами оранжевого солнца, а со склонов гор стекали потоки воды. И это происходило лишь на памяти Асуры, тогда еще маленькой девочки, трижды.

Отец, которому она помогала в поле, говорил, что местные духи гnevаются, и частенько приносил им жертвы. Он бросал куски мяса *сиго*¹⁶ в расщелины скал в надежде умиловить невидимых хозяев Лимеи, но духи, похоже, не желали прислушиваться к его молитвам.

Асура никогда не понимала, как можно выбрасывать еду, но не отваживалась возразить. Отец был суров и жесток настолько, насколько невежественен. Его жена, мать Асуры, как часто бывает, представляла собой полную его противоположность. Сейчас охотница назвала бы ее забитой и униженной, женщиной без души и собственного мнения, существом, больше похожим на тень. Она жила незаметно, безропотно выполняя всю работу по дому. Наемница даже не помнила ее лица. Только тихий, похожий на шепот голос. Голос призрака.

В конце концов мать и стала им. И отец. Духи убили их обоих, разгневавшись, или... просто погода решила преподнести фермерам очередной сюрприз... Так ли это важно сейчас?

¹⁶ Сиго – мясное животное, разводимое фермерами на Лимее.

Они мертвы. Их пожрал огонь, спустившийся сухой осенью по склону горы. Их дом, сарай с инструментами и амбар со скотиной. Все это исчезло той жаркой ночью.

После целого дня работы девочка спала глубоким сном без сновидений. Обычно, пока ее кто-нибудь не будил, она до последнего момента пребывала в забытии. Так и в этот раз. Кто-то больно схватил ее за плечо.

Асура коротко вскрикнула. Повернув голову, она увидела силуэт отца, склонившийся над ней.

– Вставай! Живо! Надо выводить сига!

– Что?

– Повторять не стану – шевелись!

Отец стиснул ее плечо еще сильнее, боль помогла сбросить сон.

Что-то происходило. Словно в доме вдруг откуда-то взялась толпа людей. Асура бросила взгляд на матрац в углу, где спала мать. Он был пуст. За тонкой деревянной стенкой кто-то бегал, топая босыми пятками.

В воздухе витал странный запах. Сначала Асура не понимала, что это значит, но потом ужас нахлынул на нее холодной волной и перехватил дыхание.

Теперь ясно, откуда исходит этот кошмарный рев.

Он накатывал с севера, с гор, и становился все громче. Сейчас Асура могла бы сравнить это с грохотом набегающей штормовой волны, но тогда она была только испуганным ребенком, никогда не видевшим, как стремительно несется по сухому лесу стена огня.

Отец вскочил и выбежал прочь; Асура устремила за ним, позабыв о том, что босая. Оказавшись в соседней комнате, самой большой, девочка остановилась.

За окном ночь превратилась в оранжевый ад. Это был еще не сам огонь, но его яростные отблески, пронизанные мечущимися искрами, разносимыми ветром.

Грохот нарастал, было похоже, что кто-то дует в громадную трубу.

– Мама! – крикнула Асура, пытаясь дотянуться до человеческого силуэта, промелькнувшего перед ней.

Женщина-тень просто ускользнула, не сказав ни слова.

– Мама...

Уже ничего не было слышно. Асура уловила вскрик отца – или, может, ей почудилось. Она помчалась наружу, выскочила во двор и замерла.

С горы наступал огненный вал, пожирающий все на своем пути: лес, траву, кусты, даже камни. Высота этого вала, казалось, достигала неба. Языки ревущего пламени тянулись к звездам, чтобы сжечь их.

– Асура...

Дым в считанные мгновения заволок двор, стал есть глаза. Девочка заметалась.

– Асура...

Мать появилась из ниоткуда, схватила ее за руки.

– Уходи! Беги! – прошептала женщина, прижав ребенка к груди. – Мы попытаемся спасти скот и некоторые вещи...

В объятиях матери Асура превратилась в деревянную куклу.

Ей было хорошо видно, как вспыхнул амбар с животными, в котором находился отец. Пламя буквально спрыгнуло с каменной гряды и обрушилось на хозяйственные постройки.

Асура ощутила толчок и упала на пятую точку, удивленно глядя на мать.

– Беги!

Наверное, именно интонация заставила ее вскочить и помчаться сломя голову прочь от дома.

– Мы нагоним тебя... у ручья...

Она бежала, не оборачиваясь. Пламя с оглушающим ревом рухнуло на дом и двор, выжигая все и вся. Словно торжествуя, несколько секунд оно лизало небеса длинным извивающимся языком.

Позже Асура гадала, действительно ли мать успела крикнуть эти слова или во всем виновато ее воображение. В тот миг девочка просто бежала, не раздумывая. Она чувствовала дыхание огненного шторма у себя на затылке и понимала, что волосы начинают гореть.

Свернув с извилистой дороги, что вела к плантации хлебных деревьев *ватша*¹⁷, Асура побежала по крутому склону. При других обстоятельствах она бы ни за что не решилась на такой отчаянный трюк, но инстинкт гнал ее вниз.

Ей удалось каким-то образом избежать камней и расщелин; легкая на ноги, девочка смогла удержать равновесие и не упасть. Так выиграла пару минут.

Перескочив через ручей, огибающий край поля, Асура обернулась.

Гора пылала, превратившись в подобие солнца. Ночь стала светлее дня. Лес и ферма в считанные минуты обратились в пепел, разносимый ветром.

Но пламя не останавливалось, оно ползло дальше, жадно поглощая саму землю.

Развернувшись в безотчетном ужасе, Асура помчалась прямо через поле. Она не замечала, как сбивает и топчет еще не окрепшие саженцы ватша, как босые подошвы наступают на твердые пупырчатые корни хлебных деревьев. Она думала только об озере за холмом. Если успеет добежать, то спасется.

Гонка продолжалась, кажется, целую вечность. Фора, которая была у Асуры, быстро сократилась до минимума. Взбесившаяся огненная стихия уже наступала ей на пятки. Окружающий мир превратился в раскаленную печь.

Девочка ощутила, как нагревается и дымится ее ночная рубашка.

Последние пятнадцать метров Асуре пришлось бежать, спотыкаясь, вверх по холму, в то время как пламя кусало ее волосы. Она закричала, сделала последний рывок, выбегая на вершину.

Вот и озеро. В воде отражались громадные танцующие столбы пламени. Асура прыгнула вперед, споткнулась и кубарем скатилась к воде. Ладони впечатались в топкую грязь у берега. Девочка на четвереньках поползла вперед; что-то зашипело – наверное, одежда, загоревшаяся на спине.

Ее окружала вода. Асура работала конечностями, стремясь уйти как можно дальше.

Да, ей повезло. Огонь охватил сухие прибрежные кусты и в одну секунду превратил их в ничто.

Асура отважилась обернуться. Спасена. Огонь встал стеной, расплзаясь дальше по берегу, но вода ему была не по зубам.

В каком-то полусне девочке удалось переплыть озеро и очутиться на противоположном берегу. Огонь постепенно добирался и сюда. Выбившись из сил, Асура вновь ввязалась в смертельную гонку. Она понимала, что любое промедление кончится тем, что пламя возьмет ее в кольцо.

Асура двинулась на юг. Ночь пылала и ревела за ее спиной.

Спустя несколько часов девочка добралась до Ущелья призраков, через которое можно было попасть на заросшее лесом плоскогорье.

Не так давно погода снова резко переменилась, пошел сильный дождь, вызывавший сход со склонов селевых потоков. В один из таких Асура попала по недосмотру, и ей крупно повезло, что ее не затянуло в низину. Перемазавшись, получив несколько ощутимых ударов камнями, она выползла на свободное место. Дождь хлестал ее по голове и спине.

¹⁷ Ватша – хлебные деревья. Основной ресурс сельского хозяйства Лимеи.

В Ущелье призраков Асура переждала непогоду, затем двинулась дальше. Пожара можно было не бояться, но страх по-прежнему гнал ее вперед.

Лес, занимавший южнее хребта почти все плоскогорье, встретил Асуру новыми звуками и незнакомыми запахами. Она никогда не была так далеко от дома, все ее знания о внешнем мире заканчивались в Ущелье призраков. Но Асура все же надеялась отыскать людей, поэтому продолжала идти. По словам отца, на юге живет куда больше народа, чем в их глухомани, и там даже есть города. Асура с трудом понимала, как так много людей могут жить в одном месте и не мешать друг другу. Где их плантации ватшу и где в городе держать соги?

Уставшая, голодная, с прыгающими темными пятнами перед глазами Асура забралась под ближайший куст и уснула. Открыв глаза, казалось, уже через пять минут, девочка увидела, что наступило утро.

Роса блестела на листьях. Холодный воздух продирает до костей. По лесу струился туман.

Целый час Асура потратила на поиск чего-нибудь съедобного, но не нашла ни ягод, ни грибов. Ей достались только молодые побеги и почки. Во всяком случае, в этих растениях она была уверена, что они не ядовиты.

Немного утолив голод и напившись из ручья, она пошла дальше... и шла следующие два дня, останавливаясь на ночлег и питаясь тем, что могла найти. Из листьев она соорудила неуклюжее подобие плаща, но он не мог спасти ее от ночного холода. Однажды Асуре повезло найти большое дупло в стволе дерева. Забравшись внутрь, девочка увидела злые глаза животного. Существо, устроившее себе здесь дом, зло зашипело, и ей пришлось бежать.

Утром болело горло, в теле поселилась ломота, голова шла кругом, но девочка продолжала идти на юг.

Теперь вся ее работа сводилась к тому, чтобы просто переставлять ноги.

Внезапно тихие голоса заставили ее остановиться. Асура прислушалась. Нет, не голоса, а как будто звуки механизмов. Она направилась к их источнику, и не успела сделать и десяти шагов, как путь ей преградило незнакомое существо.

Девочке показалось, что ожило покрытое корой дерево. Разумеется, она никогда не видела хитиновой брони, целиком закрывавшей тело.

Пришелец обладал немалым ростом и во всем походил на человека, кроме головы. Она была странной формы, длинной, изогнутой назад и вниз, напоминающей какое-то ужасное насекомое. Глаз оказалось больше двух, хотя Асура не сумела сосчитать их все. В каждом имелся зрачок, что производило весьма неприятное впечатление.

Пришелец что-то проклокотал. Его голос напоминал крик хищной птицы. Правую руку он протянул к Асуре, словно призывая не бояться и подойти.

Девочка попятилась. Хитиновый снова что-то сказал – неужели надеялся, что она поймет?

Монстр был не один. Едва краем глаза Асура заметила еще двоих, выходящих из зарослей, она приняла единственно верное решение – побежала.

Издав злобный вибрирующий рев, первый пришелец рванул вперед, но промахнулся.

Асура помчалась через заросли куда быстрее, во всяком случае, поначалу. Трое хитиновых бросились следом.

Обернувшись на ходу, беглянка поняла, что чудовища нагоняют. Ноги их были длиннее и сильнее, чем у нее, голодной и смертельно уставшей.

Почувствовав, а не увидев, что хитиновый собирается схватить ее на бегу за волосы, Асура упала на траву. Пришелец пронесся над ней, едва не наступив двупалой ногой девочке на голову.

Беглянка почувствовала идущий от пришельца запах, который не могла бы сравнить ни с чем, что знала.

Перевернувшись на спину, Асура еще надеялась, что сумеет воспользоваться моментом и ускользнуть, но ее окружили. У одного пришельца в руке было оружие. Они стали переговариваться.

Тяжело дыша, покрытая потом, крупными каплями скользящим по лбу, Асура слышала только, как бухает сердце в груди. Лес раскачивался перед глазами, фигуры чудовищ стали терять четкость.

Но в следующую секунду все изменилось. У одного из них голова вдруг исчезла, на ее месте возник взрыв из крови, мозга и хитиновых осколков. Пришелец – это был тот, кто первым нашел Асуру, – безвольно повалился вперед, слегка скособочившись.

Второй успел обернуться. Верхняя часть его черепа сошла с места и кувыркнулась в воздухе, обзаведясь хвостом из крови. Третий монстр выстрелил наугад, целя по деревьям, прыгнул почти на три метра, но пуля догнала его в точке приземления. На этот раз уродливая голова чудовища просто отделилась от шеи.

Асура видела, как мертвец бьется в конвульсиях. Долго не могла отвести взгляд. Наконец закованное в хитин тело замерло.

– Жива?

Вопрос задала женщина. Асура повернула голову.

– Эти твари ничего тебе не сделали? О боги... ребенок, как ты до сих пор ходишь?

Женщина тоже была чужачкой. Возможно, она прилетела со звезд, ведь только там носят такие красивые боевые доспехи.

И она совершенно не походила на мать Асуры, в ней ничего не было от безмолвной испуганной тени, боящейся произнести при муже лишнее слово.

– Ну? – Чужачка присела перед Асурой на корточки, аккуратно положив на траву свое оружие. Девочка, конечно, не знала, что такое снайперская винтовка. Оружие казалось ей каким-то мистическим предметом, вроде шаманского посоха, которым задабривают духов. – Скажи что-нибудь!

Женщина трогала ее, проверяя, нет ли переломов, вывихов или ран. Осмотрела ноги, руки, все эти царапины, порезы, ссадины, ожоги. Увидев, в каком состоянии лодыжки и подошвы беглянки, она нахмурилась.

– А худая... – проворчала незнакомка.

Асура молчала; все, что сейчас она могла, так это просто смотреть в эти темно-серые глаза.

Эта женщина – воплощение доброго духа?

– Так... похоже, твои дела плохи. Ты одна? Родители? Братья, сестры?

Асура молчала.

Мир плавно покачивался в ее сознании, в голове гудела кровь, она даже с трудом слышала незнакомку, а ее акцент мешал понимать эти отрывистые слова.

Оглядевшись, женщина в броне поднесла к шее руку и пальцем коснулась горлового микрофона.

– Возвращаюсь в лагерь. Не одна. Нужна медпомощь. Усилить охранение – у нас компания.

Что ей ответили, девочка не услышала, но заметила, что незнакомка кивнула.

– Значит, так. Оставлять тебя здесь нельзя, – сказала она, забрасывая снайперскую винтовку за спину, – если здесь *дакины*¹⁸, дело дрянь... Хм, так ты от них убежала? Где-то неподалеку селение?

¹⁸ Дакины – раса существ с окраины Галактики. Мало контактирует с кем-либо, но замечена в похищениях людей в далеких колониях.

Асура промолчала и в этот раз. Обняв незнакомку за шею, она прижалась к ее нагрудной пластине и зажмурилась. Холодный, похожий на металл материал доспеха давал подзабытое уже чувство защищенности.

Погладив девочку по голове, незнакомка еле слышно ругнулась.

– Кстати. Меня зовут Лам Лаа, – сказала она спустя несколько минут, когда поляна с мертвыми хитиновыми осталась позади. – Для тебя просто Лам.

Асура еле расслышала ее слова, а спустя минуту потеряла сознание.

Разумеется, она не могла видеть продолжения. Женщина ускорила шаг, однако идти ей пришлось довольно долго.

Лам Лаа достигла края лощины, длинной и узкой, словно улыбающийся рот. Замаскированное охранное устройство просканировало ее, дав разрешение на проход. Наемницу ждали. Двое мужчин в доспехах и шлемах материализовались из густой листвы с оружием в руках. Они посмотрели на грязного окровавленного ребенка, которого держала Лам. Не сказав ни слова, все трое отправились в лагерь.

Другим своим концом лощина выходила на широкую лесную проплешину, в центре которой стоял довольно неуклюжий с виду бочкообразный корабль с потертой обшивкой. Опознавательных знаков не было. Рядом расположились несколько навесов, стояли пластиковые контейнеры, частью открытые. Еще в стороне горел костер, возле которого на корточках сидел человек, тоже в броне, и жарил что-то, насаженное на палку. Два робота суетились возле большой цистерны, стоявшей на колесном погрузчике-платформе. Над роботами, точно строгий папаша, возвышался гигант, в доспехе похожий на статую. Еще несколько людей занимались разными делами, включая ремонт корабельного оборудования, но все они бросили их и мгновенно окружили Лам Лаа. В воздухе пахло едой и дымом. Обычный запах бивака. Для хибранийцев, всю жизнь проводящих в пути, это означало возможность найти приют.

– Дорогу! – Толпа мигом расступилась, пропуская невысокого мужчину с седыми волосами. На его лбу был шрам, лицо с орлиным профилем казалось асимметричным и даже отталкивающим. – Разойдись!

Наемники послушались, расширив круг, но не разойдясь далеко. Большинство не снимали шлемов, и можно было лишь догадываться, о чем они думают.

В руке седого очутился медицинский сканер для экспресс-диагностики. Хватило пяти секунд, чтобы получить всю основную информацию о состоянии девочки.

– Она вся горит, – заметила Лам Лаа. – А еще, похоже, около недели бедняжка ничего не ела. Одни кости остались.

Гигант, до того разговаривавший с машинами насчет починки цистерны для воды, указал на Асуру.

– Откуда ты ее взяла?

– Здесь дакины, – ответила охотница, – наверное, промышляют в ближайших селениях. Я увидела, как трое гнались за ней. Я их убрала.

Седой сделал знак. Двое наемников расступились, и Лам Лаа положила девочку на гладкую поверхность контейнера. После этого люди снова образовали кольцо; могло показаться, они никогда не видели десятилетних детей и сейчас рассматривали Асуру как диковинку.

Известие о дакинах было серьезным поводом усилить меры безопасности. Оказывается, даже эта дремучая глушь способна привлекать злодеев... хотя, может, потому и привлекает, что местные фермеры легкая добыча. Противостоять хорошо вооруженным командам охотников за рабами они не в силах, а средств нанять охрану у колонистов нет. Дакины и им подобные ради добычи способны забраться куда угодно.

Для хибранийцев это означало, что как минимум надо держать ухо востро. Чешуйники найдут тела и сделают правильные выводы.

Гигант отдал несколько приказов; пятеро наемников оторвались от общей массы и отправились в лес.

Шестой отошел в сторону, открыл ящик и вытащил дрона-шпиона. Поколдовав немного, он активировал механизм, и тот закружил в воздухе; сделав пару пробных кругов над головой человека, шпион взмыл небо и включил световой камуфляж. Теперь хибраниец мог следить за всем, что он видит и слышит, через голо-интерфейс, тускло светящийся на панели левого наруча.

Лам Лаа заглянула седому через плечо. Предвидя вопрос, тот сказал:

– У нее воспаление легких. Состояние ухудшается. Неси ее в лазарет, Лам.

Женщины в доспехах принялись переговариваться на хибо. Лам не обратила на них внимания; разумеется, они хотели помочь и могли, но решающее слово было за Коринном Зенном.

Охотница подхватила Асуру и понесла, совершенно невесомую, в корабль. Лазарет оказался пуст. Опередивший Лам седой наемник уже суетился возле оборудования. Он приготовил койку, на которую женщина положила девочку, и помог снять одежду. Под изодранной в клочья и обожженной ночной рубашкой и сплетенным из листьев и лиан плащом оказался обтянутый кожей скелет.

Быстро подключив датчики, Зенн бросил взгляд на монитор и открыл контейнер с препаратами. Зарядив инъектор, он быстро сделал Асуре укол в плечо.

Вскоре Лам заметила, что красные метки на голограмме начали желтеть и вскоре стали зелеными. Седой знал свое дело; на памяти Лам никто не умел так быстро справляться с проблемами в полевых условиях.

– Состояние нормализовано, – сообщил медик, – сейчас антибиотики работают над инфекцией. В ближайшие два часа, думаю, я смогу переломить ход болезни. – Он взглянул на охотницу, стоявшую у стенки. – Ей повезло... Как ее зовут?

– Она ничего не сказала.

– Ясно... – Наемник потер щетинистый подбородок, он любил изображать профессора. Для своих соплеменников, по крайней мере, Корин действительно был им, даже если речь шла о том, в чем любой хибо настоящий мастер – убийстве живых существ. Лам знала, на что способен этот эскулап с ножом в руке. – Ты спасла ей жизнь. И успела, надо сказать, вовремя.

– Дакины сделали бы ее рабыней. Или что похуже.

– Да, но я не об этом, – кивнул седой, – о болезни. Ты застала ее в момент наступления кризиса, и теперь я могу дать кое-какие гарантии.

Лам слушала.

– С инфекцией я закончу к вечеру, дело нехитрое. Но затем ей нужен уход. Понимаешь? Хорошее питание как минимум, – сказал наемник, сцепив руки на нагрудной пластине.

Охотница не сводила глаз с девочки.

– Теперь в ответе за этого ребенка и не можешь ее бросить.

Лам кивнула. Она знала.

– Мы, разумеется, поможем, – добавил Зенн. – Это наш долг. Но... ты уверена, что у нее нет родителей? Что ее не ищут?

– Не знаю. В лесу, где я охотилась, не было никого в радиусе двадцати миль. Это не считая нас и дакинов, – ответила Лам, поведя плечами. – Сканер отреагировал на появление чешуйников, и я двинулась в их сторону, думая, что это дичь. – Подойдя к койке, женщина погладила Асуру по соломенным волосам, слипшимся от грязи и обгоревшим. Девочка еще не пришла в сознание, но была близка к этому. Лам показалось очень важным, чтобы первым делом она увидела именно ее лицо, а не седого. – Она моя.

Зенн прищурился.

– Хочешь стать *йемаран*?¹⁹ Не очень похоже на тебя...

– Почему бы нет? – бросила охотница через плечо.

– Когда прибудем за *Окизи*²⁰, можно отдать ее в *кадо*²¹.

Лам отрицательно покачала головой.

– Не хочу, чтобы она была *такиэр*²². Нет, она моя!

– Как знаешь.

Наступила пауза. Потом охотница сказала:

– Смотри, на рубашке и на волосах сзади следы огня. Ожоги на спине и шее.

Седой наклонился над Асурой.

– Дакины жгут селения, которые вычистили полностью.

– Да. Но помнишь пожар, который бушевал на севере отсюда несколько дней назад? Может быть, девочка пришла оттуда. Ее дом мог уничтожить огонь, – сказала Лам. – Ей повезло спастись, и она пошла на юг.

– Далековато, – отозвался медик, – но все возможно.

– Это объясняет ее состояние. Она бежала не из этих мест. А раны на ногах? Ей пришлось идти несколько дней босиком.

Корин Зенн совсем забыл о работе, занимавшемся ранами на лодыжках Асуры. К этому времени механизм обработал ткани и накладывал повязки, попутно ставя противостолбнячную сыворотку. Его ловкие гибкие манипуляторы плели сложный узор движений.

– Тебе придется поговорить с Аддоем. Он тут главный, как-никак.

– Без проблем, – бросила Лам, направляясь к двери.

...Обо всех этих подробностях Асура узнала позже и, повзрослев, много думала о прихотливом стечении обстоятельств.

Группа наемников тогда возвращалась с Вонгера. Как раз закончился их полугодовой контракт на охрану бокситовых разработок, принадлежавших концерну «Чилсам и партнеры». В пути старая посуда, носящая гордое название «Император», начала показывать характер. Цистерны с водой прохудились и дали течь. В результате оказался затоплен грузовой отсек; вдобавок вода повредила часть проводки системы обогрева, что грозило хибранийцам весьма крупными неприятностями. У Аддоя Хорна, старшего группы, не оказалось иных вариантов, пришлось делать посадку на Лимее. Так наемники оказались на захолустной планетке в каких-то десяти световых годах от Окизи, в глухих лесах.

К тому моменту, как Лам Лаа и Асура встретились, прошло уже четыре дня. Хибранийцы работали над ремонтом «Императора», а заодно и пытались привести в чувство роботов в надежде заставить их решить проблему с водой. Два техника, не считая самого Аддоя, потратили почти сутки на реанимацию давно не используемых механизмов. Требовалось также починить погрузчик, на который наемники рассчитывали водрузить пустой бак для воды. И это было не все – машинам предстоял поход к реке, текущей в низине к северу от лагеря. Аддой искренне считал, что роботам такое не под силу, и пытался сострять другой план.

Как раз в этот момент в лагере появилась Лам Лаа. Появление ребенка вызвало настоящий ажиотаж; к найденным и сиротам у хибранийцев традиционно особое отношение, странно трепетное – на взгляд постороннего, – если учитывать, что все хибо, как считается, отъявленные головорезы. Каким бы примитивным и жестоким ни казалось их общество, у наемников не было беспризорных и брошенных детей. Всем находилось место, кров, пища и толика заботы. В силу вполне очевидных причин едва ли не каждый третий ребенок-хибо

¹⁹ Йемаран – женщина, взявшая на воспитание сироту (*хибр.*).

²⁰ Окизи – планета в Пространстве Неприсоединения, где находится одна из хибранийских общин.

²¹ Кадо – школа-интернат, где учатся дети хибо. Проживание и учеба в кадо могут быть на временной или постоянной основе (*хибр.*).

²² Такиэр – ребенок, воспитываемый общиной сообща. Может жить в кадо или по очереди в разных домах (*хибр.*).

в родном мире или в колониях-общинах рано или поздно оставался сиротой. В этом случае его брали на воспитание коллектив или отдельная семья; чаще даже один-единственный человек, наемник, нуждающийся в ученике. Неожиданно и Лам Лаа постигла эта участь. Сама воспитанная приемными родителями, охотница отлично знала, что значит вдруг остаться одной. Асура разбудила в ней то, чего не было раньше и к чему Лаа относилась пускай и с уважением, но довольно прохладно. На хибо это называлось *səxorətt* – то есть «долг кормящего»; человек, защитивший сироту, обязан был взять на себя заботу о нем или как минимум проследить за тем, чтобы он поступил под опеку общины. В этом случае ответственность за найденыша, принятого в общество, ложилась на окружающих.

Корин Зенн был удивлен выбором Лам. Нийока, как ее называли соплеменники, что в переводе значило «мотылек», всегда отличалась подчеркнуто независимым нравом. По мнению Зенна, она слишком много сил тратила на то, чтобы поддержать выбранный образ, и тут не было ничего крамольного. Все хибранийки рождены для войны, но не все – быть матерями. Просто иной раз случается что-то, навсегда меняющее жизнь человека. Судьба или случайность – не имеет большого значения. Зенн видел такое не единожды. Хибо может сколько угодно быть жестоким и безжалостным, но бывают моменты, когда из него можно вить веревки. В этом была сила хибо. И их слабость.

Когда Лам Лаа ушла, Корин вернулся к своей пациентке. Если девочка выживет, у нее появится шанс начать новую жизнь. Совсем не такую, о какой помышляли ее родители-фермеры. Лам будет хорошим учителем.

Позже Нийока рассказывала Асуре о том разговоре с Аддоем Хорном. Громадный наемник без энтузиазма встретил новость и поначалу дал понять, что на «Императоре» не место детям, особенно в такой обстановке.

Конечно, он был прав, однако именно по этой причине Лам продолжала настаивать на общем голосовании. Когда дело касалось соплеменников, хибранийцы традиционно решали проблемы коллегиально.

Аддой сдался. Не ему было оспаривать заведенные порядки, и если Лам Лаа официально объявит себя йемаран, община должна сказать свое слово.

*Мэду*²³ беспокоило совсем другое. Дакины.

Лам не стала тянуть и созвала собрание немедля. Наемники словно ждали этого и скуковались возле «Императора». Те, которых Аддой отправил в патруль, вернулись без проволочек, их присутствие было обязательным.

Йемаран всегда вправе рассчитывать на помощь со стороны своих, будь то защита принятого ею ребенка или иные услуги. Лам нисколько не сомневалась в выборе, который сделает община, но не могла избавиться от волнения. Это было потруднее, чем в первый раз выстрелить в живую цель. Не пожалеет ли она о своем поступке? Охотница встречала немало сирот, но никогда не думала брать их себе и учить. С чего бы ей это делать сейчас?

Однако, стоя перед людьми, Лам поняла, что потеряет честь и уважение, если отступит. И предаст свои собственные принципы, один из которых формулировался просто: раз начав – иди до конца, каким бы он ни был.

Нийока объявила себя йемаран по стандартной формуле, при пятнадцати свидетелях, и попросила у общины помощи. Община хибо – это любое количество их, начиная с двух, в любом месте и в любое время; общиной считался даже коллектив, совершенно случайно собравшийся в одном месте. Главное, чтобы он состоял только из своих.

Голосование проводили открытое, и, на удивление Лам, никто не стал возражать, даже скептически настроенный Аддой. В конце концов, он наверняка решил, что одной маленькой

²³ Мэду – временный командир отряда, выбираемый открытым голосованием (*хибр*).

девочки мало, чтобы нанести серьезный урон их съестным припасам. Другое дело, дакины, о планах и численности которых наемники пока ничего не знали.

Если чешуйники на Лимее собирают большой урожай, они рано или поздно вычислят лагерь и придут поквитаться. Охотники за рабами никогда не упускают шанса отомстить, когда позволяет численность.

Собрание завершилось. С этого момента у Лам Лаа появилась дочь, а хибраийцы обзавелись пополнением. Девочке предстояло вырасти одной из них и взять в руки оружие.

Корин и Лам получили у Аддоя разрешение не присутствовать на военном совете и вернуться в лазарет. К тому времени Асура пришла в себя и лежала, бездумно глядя в пластиковый потолок.

– Она под препаратами, – сказал медик, проверяя показания приборов.

– Для нее тут все чужое, – заметила Лам.

Асура не выказывала признаков страха или смятения, в ее глазах было пусто; успокоительные действовали. Хорошо. Это даст возможности мозгу девочки усвоить больше информации без помех со стороны бунтующих эмоций.

Охотница положила ладонь на лоб Асуры. Та перевела взгляд, сосредоточив его на лице Лам.

Никакой явной реакции.

– Что ж, кажется, лекарство сработало, – сказал, наконец, Корин Зенн. – Она почти здорова.

– Ты молодец.

Медик потер подбородок.

– Меня для этого здесь и держат, чтобы я справлялся с подобными проблемами, верно? Когда не выпускаю чьи-нибудь потроха.

Лам улыбнулась краем рта.

Если Корин шутил, что случалось нечасто, то шутки были довольно мрачными. Вот уже четыре года он не работал на одиночных заказах, посвятив себя целиком полевой медицине. Когда-то Зенн считался одним из лучших охотников за головами – в прямом смысле слова. Некоторые его экстравагантные заказчики требовали, чтобы он приносил им головы своих врагов. Корин делал свое дело без сучка без задоринки. Работа есть работа, ничего личного. Зенна сравнивали с легендарными героями, проча ему место в анналах среди лучших из лучших, пока он просто не послал все по хорошо известному адресу. Была ли причиной личная трагедия или банальная усталость, Корин не говорил; никто и не спрашивал, ибо, как минимум среди своих, подобное любопытство не считалось приличным. У Корина была семья на Окизи, почти взрослые дети готовились стать охотниками, жена выбрала хозяйство и не покидала колонии. Лам не видела причин бросать доходную работу, но Корин бросил. Может быть, он считал, что слишком стар.

Вскоре, так и не сказав ни слова, Асура вновь погрузилась в сон. Лам могла быть уверена теперь, что девочка, ее *фаа*²⁴, поправится без последствий.

В конце концов Корин выгнал охотницу из лазарета, посоветовав заняться пока чем-нибудь полезным. Лаа подчинилась.

Едва она вышла из корабля, как ее поймал Аддой Хорн. В руке он держал штурмовую винтовку. В стороне группа из семи бойцов проверяла амуницию и давно лежавшие без дела стволы.

– Дроны нашли несколько подозрительных объектов в двух километрах от нас, – сообщил Аддой. – Хотим проверить.

– На разведку с оружием против целой армии? – нахмурилась Лам.

²⁴ Фаа – дочь (*хибр.*).

Один хибо доставал из ящика осколочные гранаты и пристраивал их в бронечейках на поясе.

– Лучше подстраховаться, – прогудел через шлемный микрофон гигант. Склонив голову, он оглядел ее сквозь визор. – Можешь пойти с нами, если хочешь.

– Пожалуй, нет. Если не будет приказа, – ответила она.

– Мне лучше, чтобы ты осталась здесь за старшего. Роботы скоро вернутся с водой. Если они все сделают верно, нам хватит ее на обратный полет и непредвиденные расходы.

– А что с проводкой? – Лам бросила взгляд на тушу «Императора». Часть секций обшивки сбоку корабля была снята, на их месте зиял прямоугольный проход, из которого доносились характерные «звуки ремонта». В тесноте технических отсеков двое наемников пытались с помощью отборной ругани выработать общее мнение.

– Как видишь, пока неважно, – скривился Аддой. – Если придется быстро сматываться, могут быть проблемы.

Хорн всегда был пессимистом. Такие разговоры в его духе.

– Я останусь, – проговорила Лам.

Раньше она бы сделала все, чтобы набиться в рейд. Аддой помедлил, словно пытаясь уложить в голове образ новой Нийоки, которую он всегда знал отчаянной сорвиголовой. И лучшим снайпером, во всяком случае, в общине на Окизи.

– Хорошо. Бери командование.

Гигант повернулся и широким шагом приблизился к группе. Хибранийцы выстроились полукругом, они были готовы. Еще раз определив задачу и роли бойцов, Аддой повел их в лес. Лам видела его шлем, возвышающийся над головами. Вскоре восьмерка исчезла под кронами деревьев. Остальным оставалось работать и ждать.

Проводку починили примерно через час, роботы привезли на погрузчике цистерну с водой еще раньше. Корин Зенн ввел в посудину обеззараживающий реагент и проследил за перекачкой воды в уже залатанные баки «Императора». После того как съемные фрагменты обшивки вернули на место и протестировали герметизацию, на связь впервые вышел Аддой Хорн.

Лам Лаа доложила, что окрестности лагеря чисты, сканеры не регистрируют никого, кроме случайных животных. Новости «с фронта» были не столь обнадеживающими. Наемникам удалось напасть на след дакинов. Точнее, эти следы сами нашли людей, когда те вышли через пару километров к небольшой реке.

Когда-то на берегу стояла деревушка, на месте которой теперь чернели развалины. Нападавшие сожгли дома и хозяйственные постройки, увели людей и животных. Правда, нашлись несколько трупов, в основном мужчин. Их расстреляли из импульсных винтовок и только одного зарубили чем-то похожим на мачете.

– Типичная картина, – прокомментировал Хорн, – они сопротивлялись, дакины предпочли их убить, чтобы не возиться с буйными. Забрали остальных.

Лам Лаа бросила рассеянный взгляд на бойцов. Наемники ждали, ловя каждое слово командира по громкой связи.

– Как давно?

– Пепелище холодное, к тому же пепел вымочен дождем, а он шел два дня назад. След не очень свежий.

Лам представила, как хибо расхаживают по черным руинам.

– Что показывает воздушная разведка? – спросила охотница.

– Ноль, поблизости дакинов нет. Не знаю, что раньше фиксировали сканеры. Может, это ошибка... Может быть, они давно ушли из этого района...

Верилось с трудом. Лам все же была склонна думать, что чешуйники не откажутся от мысли отомстить.

– Возвращайтесь, – сказала она. – «Император» готов, нам тут нечего больше делать. Мы не можем гоняться за дакинами по всей Лимее. Это не наша работа.

– Да... точно. – Аддой помедлил. – Хорошо, мы идем назад.

Для находящихся в лагере потянулось томительное ожидание. Лам распределила караулы и ушла в лазарет посидеть возле Асуры. Девочка спала. Следя за показателями медсканера, охотница думала, с чего ей начать разговор, когда беглянка проснется, какие выбрать слова. Какой она вообще будет матерью и наставницей. Лаа боялась, что не справится, и стыдилась этого страха; что ни говори, а ребенок – прежде всего ответственность...

На обратном пути группа Аддоя слегка отклонилась от маршрута, чтобы проверить неясный сигнал воздушного разведчика, и напоролась на засаду. Дакины умели прятаться и бить наверняка, и если бы не опыт наемников, отлично разбиравшихся в подобной тактике, вряд ли кто-то вернулся бы в лагерь живым.

Первым делом дакины применили гранаты, но броня спасла людей от осколков и контузий. За взрывами, превратившими участок леса в небольшой ад, последовал плотный кинжальный огонь. Хибранийцев прижало к земле. Выбрав не очень удобную позицию для стрельбы сверху, чешуйники напрасно расходовали боеприпасы. Высоты было недостаточно, и большая часть игловидных пуль шла только по касательной, вонзаясь в стволы деревьев и кося кустарник.

Заметив прореху в обороне противника, Аддой отдал приказ атаковать. Под огнем трое наемников совершили бросок вверх по склону и сцепились с дакинами врукопашную. Чешуйники яростно сопротивлялись натиску, но, даже превосходя людей числом, с треском продули схватку. Их добились штурмовыми ножами.

Оставшийся отряд поднялся с земли и перешел в атаку. Дакинов прижали по всему фронту; ситуация повторилась – даже при численном превосходстве у них не оказалось шансов противостоять хибо, и после нескольких минут сражения большая часть засады полегла. Оставшиеся трое бросились бежать сквозь заросли. Далеко им уйти не удалось.

Аддой Хорн опустил штурмовую винтовку и, подойдя к еще дергающемуся труп чешуйника, наступил ему на спину. Дакины по своему строению и физиологии были, в сущности, насекомыми. Большими, человекообразными, с этими карикатурными уродливыми головами. Возможно, к людям и другим теплокровным они относились с таким же отвращением, но Аддоя это не волновало. Дакины были чужими, и охотой за рабами в отдаленных колониях практически ограничивались их контакты с внешним миром. Где их планета и чем они там занимаются, никто не знал. Ходило много слухов, но что с того? И, откровенно говоря, Аддоя не интересовали подробности жизни этих тварей. Он убил еще нескольких, отомстив за лимейских фермеров, – и это было хорошо.

– Проверьте здесь все, – приказал Хорн, – они могли вызвать подкрепление. – Сорвав лист с дерева, наемник вытер от крови штурмовой нож и сунул его обратно в ножны на бедре. – Выдвигаемся через пять минут...

Пока бойцы обшаривали окрестности, Аддой проверил тела, надеясь разыскать что-нибудь полезное. Он был не сторонником мародерства, но в этом случае не видел ничего зазорного; работорговцы это заслужили, и от мертвецов не будет.

Вскоре Аддой сделал открытие. У дакинов не было карманов. Их хитиновая броня вообще не имела отделений. Все, что они брали с собой, крепилось прямо к поясу, груди, спине или бедрам при помощи чего-то клейкого. Хорн с отвращением перевернул нескольких мертвецов, чтобы убедиться в верности гипотезы. Мертвые дакины пахли, особенно те, что потеряли много крови. Она была скорее оранжевой, чем красной, и походила на варенье.

Аддой выпрямился. Даже то, что чешуйники приклеивали к себе, не имело особой ценности; запасные магазины, у одного запасные детали для штурмовой винтовки. Ни сканеров, ни передатчиков. Хорн понятия не имел, каким образом дакины общаются с базой и кораблем.

Поговаривали, что эти красавцы побывали в самых удаленных и опасных частях Галактики и нашли много неизвестных технологий, принадлежавших мертвым расам. Иногда они якобы продавали их тем, с кем изредка контактировали, или же обменивали на разную ерунду.

Аддой не верил рассказам. Просто у дакинов есть пара-тройка лишних трюков в рукаве, и он бы мог разгадать их, если бы не время.

Бойцы вернулись. Хорн приказал собрать все оружие, – за него на барахолке можно было кое-что выручить, – и группа выдвинулась в лагерь; на этот раз обошлось без приключений. «Император» был готов к вылету, и Аддой отдал приказ стартовать...

Асура узнала обо всем этом позже, когда повзрослела и когда невидимые шрамы художественно затянулись. Девочка прибыла на Окизи уже как часть общины, фаа Лам; ее приняли, ей уделили внимание, теперь каждый наемник-хибо был ее соплеменником – и не имело значения, откуда именно он родом, из родного мира или колоний, раскиданных по всему космосу.

Они все были семьей. Большой, шумной, непонятной для чужаков. Потеряв родителей в огне, девочка обрела нечто большее. Пускай и не по своей воле, но ей удалось вырваться за пределы Лимей и того образа жизни, что был единственно возможен для нее раньше.

Но привыкла Асура не сразу. Еще почти две недели она безвылазно сидела в комнате в доме Лам. Ела совсем чуть-чуть и не говорила ни слова. Не могла. Всякий раз, когда слова рождались в мозгу, горло словно сдавливала незримая рука и перед глазами сразу возникал образ: мать стоит посреди двора, охваченного огнем. Она тянет к ней руки и тает, словно восковая кукла... Разумеется, Асура никогда не видела этого, но детская фантазия была беспощадной.

Вот если бы она что-то сделала, если бы проснулась раньше и почувствовала запах дыма, если бы...

Лам Лаа понадобилось время, чтобы убедить Асуру, что вины ее тут нет. Никто не мог предотвратить пожар, и пора перестать об этом думать. Прошлое осталось в прошлом, сказала Нийока. Она была терпеливой, хотя позже и признавалась, что ей эти первые дни тоже давались нелегко. Лам помогали советом бывалые женщины, но основной груз, конечно, она несла сама. Ни один, даже самый сложный заказ не доставлял ей столько проблем. Чтобы излечить ребенка от шока, нужно было столько терпения, которого у Лам не было. Так казалось. А потом, в одно прекрасное утро Асура просто вышла из комнаты и попросила стакан воды. Она помнила свои ощущения: словно очнулась от долгого сна или миновал кризис затяжной болезни. На мир она смотрела уже совсем иначе.

Она выздоровела.

И вот, годы спустя, Асура сидит у догоревшего костра и сонно перебирает в уме воспоминания.

То, что она осталась в одиночестве после смерти Лам, было в высшей степени несправедливо. Асура не примирилась до сих пор и думала, что вряд ли сможет когда-нибудь.

Над ней пролетела ночная птица. Охотница машинально потянулась за ножом на бедре. Ложная тревога. В этой глуши она по-прежнему одна. Ни друзей, ни врагов.

Растянувшись на спине, Асура некоторое время сонно взирала на гонки спутников на ночном небе. Наваливался сон. Охотница перевернулась на бок. Сканер разбудит, если возникнет необходимость, электронике не нужен отдых в отличие от нее. Лам говорила, что на войне или на задании надо всегда пользоваться возможностью. Советы Нийоки никогда не подводили.

Утром тихий сигнал в ушной микрофон известил Асуру, что рядом обнаружено движение. Открыв глаза, она моментально сбросила сон. Ей потребовалось не больше семи секунд, чтобы достать винтовку, поставить ее на прежнее место и залечь на позиции.

Не успел воздушный транспорт показаться из-за гряды, но Асура уже точно знала, кто пожаловал в гости. Электронная сигнатура машины совпадала с той, что ей дали заказчики. На этом роскошном ховере-яхте путешествовал по Фаастену только Юбнон Стойм.

Хотелось думать, что сейчас, наконец, все и закончится.

Яхта с легким, почти неслышным гулом выплыла из-за холмов, огораживающих долину. На ковер из лишайников и трав легла длинная тень корабля, образованная еще низко висящим солнцем.

Асура проверила данные, поступающие со следящих устройств. Яхта шла без сопровождения, следовательно, если у Юбнона и есть охрана, то она на борту. Заказчики сообщали о четверых илламиках, которые не отходят от хозяина ни днем, ни ночью. Вышколенные профессионалы, чрезвычайно опасные в близком контакте, они уже предотвратили два покушения в прошлом году. Впрочем, очевидно, это были плохие покушения, ибо в противном случае они не провалились бы.

Илламики Асуру не впечатляли. Гибкостью разума они не славились, их козырями была отменная реакция и нюх на опасность; скорее животные, чем разумные существа. Богатеи в Пространстве Неприсоединения в последнее время часто брали их на работу.

Охотница наблюдала за яхтой в оптический прицел, как та медленно обходит кругом стройплощадку и на палубе появляются фигуры. Зум позволил ей разглядеть двоих телохранителей. Они выставили головы, глядя вниз. Рабочих еще не было, и это, очевидно, стало темой для разговора между двумя боевиками. Через несколько секунд они исчезли.

Асура ждала. Будет очень скверно, если Юбнон удовлетворится осмотром сверху. Еще хуже, если этот паршивый омнаис вообще не выйдет из каюты и просто воспользуется внешними камерами.

Охотница ждала, вслушиваясь в ритмичный стук своего сердца.

Наконец, зависнув ненадолго, яхта сдвинулась влево от стройплощадки и начала снижение.

Асура медленно выпустила воздух из легких.

Это неплохая новость. Говорили, Юбнон славился дотошностью. Неужели он упустил бы шанс рассмотреть каждую деталь поближе и собственными глазами?

Джудеки опаздывали. Лишний повод Стойму остаться и устроить им разнос.

Яхта коснулась земли и замерла. Вслед за этим на палубу вышли четыре илламика. Сам Юбнон появился спустя несколько секунд, когда часть борта разошлась и трап спустился к земле.

Омнаис одевался в облегающую одежду и выглядел франтом, его роговые наросты на голове, похожие на плавники, были окрашены по последней моде в зеленый и желтый цвета. С узких плеч свисал оранжевый плащ с высоким воротником-стойкой.

На секунду замерев на верхней ступени трапа, омнаис повел головой, оглядывая долину и свой будущий дом. Асура видела в прицел, как скривилось его лицо.

Она была готова сделать выстрел. Ветра нет. Видимость стопроцентная. Дистанция смехотворна – даже дилетант не промахнется.

Охотница чуть надавила на сенсорный спусковой крючок, но тут же отпустила. Юбнон начал спуск по трапу, уйдя с линии огня, телохранители двинулись за ним.

Судя по всему, подвоха они не ожидают. Насторожены, как всегда, но идут спокойно, оружия пока не касаются.

Юбнон направился к стройплощадке, причем с таким видом, словно прогуливается по своему дворцу. Однако физиономия его выражала отнюдь не благодушие. Насколько Асура могла судить, омнаис зол; как бы ни шли у него дела за пределами долины, он намеревался задать кому-то взбучку. Телохранители для этого, очевидно, не годились, а джудеки запаздывали.

Омнаис остановился, заложив руки за спину, под плащ, и оглядел стройплощадку со стороны. Был готов фундамент и практически закончен первый этаж начерно. Строители успели установить несколько несущих стен и перекрытий. Небольшой кран застыл с поднятой вверх

стрелой с краю будущего особняка. Антигравитационный подъемник стоял на земле с другой стороны. На все это омнаис смотрел, словно впервые.

Наконец, он вошел «под своды» своего будущего загородного дома и стал буквально вынюхивать, лично проверяя качество работы. Джудеки отличались аккуратностью, на площадке не было мусора, и все стройматериалы лежали на своем месте. Любой другой заказчик был бы этому рад, но Юбнон только злился.

Через минуту он зло пнул стену и что-то сказал телохранителям. Один из них ответил, пожимая плечами.

Асура поняла, что сейчас лучший момент для стрельбы. Юбнон стоит к ней затылком, размахивает руками и все больше заводится... что ж, отлично... внимание илламиков поглощено разъяренным боссом – и это довольно непрофессионально.

Как только Юбнон перестал дергаться, Асура выстрелила. Голова омнаиса лопнула, обрызгав содержимым четырех телохранителей. Сознание стрелка на краткий миг зафиксировало эту картину. Илламики не успели ничего понять, несмотря на их хваленые реакции.

Асура выстрелила еще четыре раза, аккуратно укладывая ненужных свидетелей одного за другим; это было как в тире. Заказчики ни словом не обмолвились о побочных жертвах, оставив их на усмотрение наемницы. Лам Лаа в таких вопросах была категорична и, не мешкая, прикончила бы телохранителей. Асура так и сделала.

Они узнали бы, откуда пришла пуля, начали бы поиски, подняли шум. В такой обстановке трудно уйти незамеченной, если находишься на открытой местности. Убедившись, что цели нейтрализованы, Асура поднялась, сложила винтовку, сунула ее в футляр и забросила на спину. Три секунды. На то, чтобы собрать вещички и прикрыть темное пятно от костра куском заготовленного дерна и камнями, ушло еще четыре.

Бросив взгляд на стройплощадку, – омнаис, лежащий на животе, и телохранители, каждый из которых получил иглу точно промеж глаз, – Асура перескочила через невысокий гребень над расщелиной и побежала на юг. Если в рубке управления яхты есть пилот, он вряд ли ее заметил.

Спустившись с холма, она преодолела шагов сто и остановилась перед группой невысоких скал, в тени которых стоял ее замаскированный двухместный скоггер. Одновременно с отключением светомаскировки, делавшей корабль невидимым, откинулся фонарь кокпита.

Охотница проделывала все операции не задумываясь. Ей нужна как можно большая фора, чтобы успеть покинуть Фаастен и уйти в гиперспейс.

Автопилот поднял корабль. Асура включила стелс-режим, позволяющий стать невидимой для радаров и любопытных глаз. Фаастен, конечно, глушь, но осторожность никогда не бывает лишней.

Лишь после того, как скоггер вышел за пределы атмосферы и отдалился от планеты на миллион километров, Асура смогла поздравить себя с удачно выполненным заданием. Можно было расслабиться.

Скоггер ушел в подпространственный скачок без помощи человека. Охотница затенила стекло кокпита до состояния полной непрозрачности и откинула спинку сиденья. Как шезлонг на пляже. Асура намеревалась на этот раз выспаться по-настоящему.

У нее есть еще три часа.

Глава 2

Пространство Неприсоединения. Пилитран. Скану Оджимур²⁵.

Северный сектор, паб «Заря визиары».

Три недели до начала Изнанской кампании

Фаррел Джнахин гадал, откуда владельцы подобных заведений черпают свои гениальные идеи, придумывая названия. Не иначе из бутылок с пойлом, которое продают любителям невзыскательного отдыха.

Визиарой называли на Пилитране животное, напоминающее свинью. Подобно свинье, визиара любила грязь и питалась всем, чем угодно, вот только любой хрюшке давала сто очков вперед по части вони; но мясом притом славилась отменным. Его считали деликатесом во многих системах и экспортировали за пределы планеты под чутким надзором местных сельскохозяйственных кланов, больше напоминающих отлично вооруженные мафиозные группировки.

Так или иначе, а при чем тут «заря», Джнахин не мог понять до сих пор, и у кого ни спрашивал шутки ради, никто не знал. Даже владелец паба Шунна Тик-Дилл, желчного вида брайши.

Остановившись перед входом, наемник ощутил идущий изнутри паба запах. Запах множества существ, потребляющих алкоголь и закусывающих всякой дрянью.

Очень знакомо. В сущности, здесь никогда ничего не менялось: ни качество питья и еды, ни цена – рекордно низкая во всем Северном секторе. Одна из причин популярности «Зари».

Второй причиной была близость к захламленному космопорту Скану Оджимура.

Со стороны он очень напоминал большую помойку, которая, несмотря на ужасающий внешний вид, отлично справлялась с грузопотоком. Это обстоятельство ставило в тупик многих местных экономистов, но никто из них, жителей богатого центра города, не стремился проверить на практике, как и что здесь работает. Северный сектор не славился респектабельностью.

Прямо с одной из посадочных площадок любой звездный странник мог сделать всего пятьдесят шагов и очутиться здесь. В «Заре визиары» ему предложат промочить горло и будут внимательно следить, чтобы он вел себя прилично. Прилично означало не драться, не провоцировать на драку, не воровать и не блевать на пол. Отряд вышибал, работающих на Шунна Тик-Дилла, строго следил за соблюдением этих правил и не разменивался по мелочам, если требовалось кого-то приструнить. Джнахин слышал о бузотерах, заплативших за свое легкомыслие самую высокую цену.

Все остальное в «Заре визиары» не порицалось, и это не могло не нравиться разным темным личностям, болтающимся в районе космопорта. В пабе заключались сделки, сколачивались банды, делилась добыча; Шунна Тик-Дилл лишь требовал свой процент – за предоставление переговорной площадки. Чисто символический. Говорят, брайши заносчивы и жадны, но владелец «Зари» своим примером опровергал этот стереотип. А все дело в том, считал Джнахин, что фисташковый не хватал звезд с неба и не зарывался. Оттого его нивы были тучными, а карманы полными.

Нередкими гостями в пабе были и хибранийские наемники, залетавшие на Пилитран в поисках работы. Бросовой халтуры, во всяком случае, тут всегда было навалом. Фаррел и сам, бывало, появлялся здесь в надежде срубить пару лишних кредитов. Часто это оказывалась работа из того разряда, о которой не говорят даже самые отъявленные головорезы; слишком грязная. Но такова участь солдата удачи – часто выбора просто нет. Либо принцип, либо урчащие животы твоих детей.

²⁵ Один из трех крупных городов Пилитрана, выросший из маленького шахтерского поселка двести пятьдесят лет назад.

К счастью, как считал сам Джнахин, детьми он так и не обзавелся.

Сегодня в пабе и поблизости от него было оживленно. Ближе к вечеру народ подтягивался смочить горло, посудачить о том о сем, перетереть последние новости. Галактика велика, всегда есть, о чем поговорить свободным пилотам, охотникам и просто бродягам, бесцельно валандающим по звездным трассам. В таких местах Фаррел всегда чувствовал дыхание космоса. Эта вонючая дыра была окном в громадную вселенную, настоящим перекрестком миров, где разнопланетная жизнь бурлила в полную силу. А еще Джнахин чувствовал ностальгию. Нет, не здесь, но в другом, очень похожем месте, он получил свою первую работу в качестве охотника-одиночки.

И это было давно.

Сегодня у входа дежурил Аграб, так называли все этого здорового, страшного на вид андроида, неподвижно стоящего в специальной нише в стене. Робот не шевелился, его роль здесь заключалась в том, чтобы наблюдать. Лишь когда на входе образовывался очередной инцидент, Аграб оживал и включался в работу... по этой причине его и боялись и уважали. Кто лучше всего справится с этим? Только машина, которой плевать, кто свой, а кто чужой. Аграб, если требовалось, без разбора колошматил и завсегдатаев, и новичков; даже тех, кто водил знакомство с Шунной Тик-Диллом. Практичность брайши тоже была достойна поговорки.

Фаррел знал Аграба лет двадцать, не меньше, но тот почти не изменился. Все тот же истукан.

Наемник шагнул к арочному входу и сделал приветственный знак. Красные глаза андроида задержались на нем.

Никакой реакции. Аграб не мог не узнать его, но появление Джнахина в «Заре визиары» после пяти лет отсутствия на машину впечатления не произвело.

Разминувшись с двумя пилотами, болтающими на ходу, Фаррел вошел в паб.

Сплошное дежавю. Даже столики, сработанные из местного «каменного дерева», те же самые и стоят на тех же местах. Та же духота. Бросив взгляд по сторонам, хибраниец заметил, что публика состоит, в основном, из людей. Обычный для этого времени суток и времени года сброд.

Джнахин поймал официантку – робота-андроида по имени Джиа – и заказал пиво на столик пятнадцать, после чего двинулся направо, пересекая зал по диагонали.

Посетители пили, закусывали, говорили, и хотя никто из них не претендовал на звание самого послушного мальчика или девочки, могло сложиться впечатление, что здесь пансион. Страх – он был и остается лучшим стимулом к дисциплине.

Фаррел нашел нужный сектор и задержался у перегородки, чтобы рассмотреть людей, сидевших за круглым столом. С этой троицей он не виделся довольно давно, но хибо казались такими же, как много лет назад. Почти. Просто чуть больше шрамов, чуть больше ледяного космоса в глазах. Они умели выживать в переделках, что и доказывали своим присутствием в этой зловонной дырище. Для людей, сражающихся всю жизнь, они протянули достаточно долго.

Фаррел выдохнул. Глупо, наверное, но он ощутил близость дома.

Хибрания была далеко – и все же вот она.

Импульсное оружие, включая пистолеты, сдано на хранение специальному человеку – еще одно правило, но все остальное было при них. Шлемы стояли посреди стола. Джнахин заметил на сегментах брони наемников немало новых символов; это как татуировки, только снаружи, и многие головорезы обожают хвастаться ими. Кроме того, частенько символы означали принадлежность к какому-нибудь клану или боевой группе, вроде той, чьим командиром был Джнахин. Но сам Фаррел не любил показухи; неприметность, считал он, неплохой камуфляж.

Его заметили. Первым поднялся тот, чья лысина блестела в свете ламп словно стеклянная.

Титус Фанн. Славен своими подвигами на ниве охоты за опасными преступниками. Говорили, он неуязвим и даже никогда не был ранен во время заданий, хотя дело имел с самыми отпетыми негодьями, террористами и убийцами всех мастей.

Росказни. Неуязвимых не бывает. Бывают удачливые, и Титус входил в их число. А еще он был – в хорошем смысле – безбашенным. Брался за работу, которая по плечу лишь группам, но умудрялся добывать по дюжине клиентов за раз, чем снискал немалое уважение не только среди соплеменников. В свою очередь, галактический криминалитет был не в восторге от Фанна и мечтал заполучить его в свои руки.

В конце концов Титус немного сменил род деятельности и решил стать капитаном. Свою группу, состоящую из десяти штурмовиков, он назвал «Стальной шлем» и почти целиком переключился на войну.

Вроде той, что намечалась, по слухам, совсем скоро.

– Если Галактика крутится, значит, Джнахин жив, – сказал Фанн, заключив наемника в объятия.

Доспехи глухо лязгнули.

– Старый демон тем он крепче, чем старше, – заметил, подходя, Роваш Метьяри.

Он оглушил Джнахина смехом в левое ухо и уступил очередь Саво Кабилу, белому, почти бесцветному человеку с красными глазами. Альбинизм Кабила служил его визитной карточкой; наемник гордился своей внешностью, несмотря на то что она явно демаскирует его в толпе и облегчает врагу запоминание. Пока, впрочем, Саво как-то выкручивался.

Метьяри и Кабил тоже были капитанами и продавали оружие своих солдат за деньги.

Старые добрые деньки, подумал Фаррел.

– Слышал, твоим ребятам начикали на Симеде-3, – сказал он. – Ай-ай...

– Глупость, наветы, – расплылся в широкой улыбке Саво, – интриги завистников...

– А... – Фаррел заметил краем глаза, что Джиа принесла пиво и ждала, когда люди натешатся ритуалами приветствия. Для робота, должно быть, все это казалось лишним смыслом.

Метьяри, большой, коренастый, похожий в доспехах на жука, ткнул альбиноса в наплечник кулаком.

– Фаррел, этот тип просто набивает себе цену. На Симеде-3 он драпал.

– Тактическое отступление, дурень! – фыркнул Кабил. – Посмотрел бы я на тебя и твоих храбрецов.

– Тактическое отступление? – Роваш надул губы и поглядел на потолок, покрытый толстым слоем грязи. – Не, в моем лексиконе такого нет.

Титус Фанн шутливо схватил обоих за края броневоротников и подтолкнул к столу.

– Ладно, мальчики, хватит мериться самым ценным. Лучше выпьем за встречу. Сколько лет прошло, Джнахин?

– Семь.

Наемник принял у Джиа свое пиво и сел за стол. Робот-официантка ушла, качая бедрами. Устраиваясь, хибраиец заметил несколько обращенных к столику взглядов.

Ничего особенного, простое любопытство, но всегда держи ухо востро, верно?

– Ну, хотя такое пойло даже неприлично пить за здоровье, но будем считать, это репетиция будущей вечеринки, – сказал Саво, подняв кружку.

Наемники чокнулись, сделали по глотку. Фаррел хмыкнул. Альбинос прав – пойло, ничуть не изменившееся за эти годы. Интересно, какое пиво пьет сам Шунна?

В этот вечер брайши стоял за стойкой. Невзирая на свой вес в обществе, Тик-Дилл не брезговал простой работой, она явно доставляла ему удовольствие. Уловив взгляд брайши,

Джнахин слегка кивнул. Шунна был глазастым и заметил это. Фаррел входил в разряд посетителей, которые никогда не нарушали правил паба, а значит, был у хозяина на хорошем счету.

Шунна сделал знак, переплетя пальцы: приветствовал.

– Ну, рассказывай новости, – сказал Роваш Метьяри, завладевая вниманием Джнахина.

– Я здесь для того, чтобы услышать их от вас, – отозвался наемник.

– Узнаю, – пробурчал альбинос. – У Фаррела слова лишнего не вытянешь. Почему ты не стал шпионом, брат? С твоим-то талантом молчать.

Это была старая-старая шутка. Джнахин всегда славился умением держать язык за зубами, за что когда-то заработал прозвище Немой. И еще одно – Шпик.

– Ладно, – махнул широкой дланью Метьяри, – неважно. Дела пока идут неплохо у всех нас, но...

– Хотелось бы лучше, – хором закончили Саво и Титус.

Да, многое осталось прежним, и плоский бородатый юмор тоже, подумал Фаррел.

– наших много на Пилитране? – спросил он.

– Человек двести наберется, – ответил Саво.

– Ого... Я так понимаю, все серьезно? – прищурился Джнахин.

Титус подался вперед, понижая голос.

– У реки есть большие ангары, сдаваемые в аренду. Там у нас временный лагерь или сборный пункт – как хочешь, назови.

– А город? – спросил Джнахин, попивая пиво маленькими глотками.

– А что город? Здешний мэр любит кредиты, – сказал Метьяри. – И какая ему разница, кто арендует площади?

– Раньше он не любил чужаков.

Роваш картинно отшатнулся.

– А, так ты не в курсе? У Скану Оджимура другой мэр, гораздо более гибкий в таких вопросах. Для него трущобы вроде Северного сектора не просто клоака, а клоака, способная приносить доход в казну города. Она и приносит.

– Выходит, этот новый и разрешил, – сказал Джнахин, прислушиваясь к монотонному гулу голосов в пабе. – Вопреки старым запретам.

– Ага, – ответил Титус. – Экономика, брат.

– Ясно. Так что?

– Люди прибывают, только сегодня прилетели пятнадцать душ вольняшек, – сказал Метьяри, откидываясь на потертую спинку стула. – И это только наши. Есть и другие.

Джнахин заглянул в свою кружку. На горизонте замаячил неплохой заработок для «Секир».

– Какова ситуация с Изианой? – спросил он, остановив взгляд на Фанне.

Наемник обычно знал больше других, информация так и липла к нему.

– Если совсем кратко, то войнушка неизбежна, все говорят. Слишком лакомый кусок эти алмазные копи, а стороны договариваться явно не умеют. Они готовы рискнуть, чтобы заграбастать все. Лишь бы не делиться...

...Джнахин навел подробные справки по Изiane, просто сейчас хотел удостовериться, что не зря заплатил за информацию; заодно не мешало проверить, насколько осведомлены капитаны о планете, куда собираются отправиться.

Все началось примерно сорок лет назад, когда некие богатеи с Ворфазы решили купить на аукционе несколько кусков земли в северной части одного из континентов Изианы. Вероятно, они подозревали, что именно покупают, ибо, как сказано в документах, могли владеть инсайдерской информацией. Цена на участки была бросовой еще и по причине, что эта область континента оказалась свободной от колонистов-мэйдиан. Почти. Пара-тройка селений вдоль реки Сорам серьезной помехой не считались.

Богатеи прибыли вскоре после окончания аукциона, привезли с собой группу геологов для комплексной оценки перспективности месторождения. Это могло бы показаться безумием и напрасной тратой средств, но покупатели не прогадали. На одном из участков были найдены алмазы, причем в немалом количестве. Разработку месторождения начали без проволочек и успели наварить довольно много, когда алмазы закончились. Вот так сразу. Владельцы срочно заказали еще одну экспертизу, но та показала, что первоначальные оценки были завышены как минимум, вдвое. Слишком много вложившие в предприятие ворфазийцы едва не разорились. Быстро продав участок по символической цене, они помахали Изiane ручкой. Теперь эта планета была не их заботой.

Спустя десятилетия один из фермеров, чье хозяйство находилось вблизи границы заброшенного рудника, нашел в земле блестящий камешек. Он отнес его в город, где и сплавил за неожиданно большие деньги. Скупщик подвернулся не дурак и быстро слил информацию заинтересованным лицам. Ими оказались братья Тоссини, вожаки местной криминальной группировки. Прибыв на место, они убили фермера-счастливчика, сожгли его хозяйство и застолбили территорию, не заботясь об истинном владельце земли. За пару месяцев Тоссини организовали добычу алмазов и начали расширять свое влияние в регионе. Став сильнее за счет притока наемников, которых покупали на денежки от продажи камней, бандиты в конце концов привлекли к себе внимание.

За годы владельцев у земли сменилось множество. Участки продавали, покупали, выменивали. Так произошло и в последний раз. Помимо прочих активов, скупаемых Транспортной Лигой, почти монополизировавшей в Центральном Кластере все грузоперевозки, в собственности Совета директоров оказался и злополучный рудник. Как только информация дошла до правления, на Изiane появились уполномоченные лица. Братья Тоссини, не исключавшие подобной возможности, были готовы встретить делегацию. К удивлению транспортников, бандиты согласились сесть за стол переговоров, где вели себя вполне по-джентльменски. Переговоры длились три тяжелых дня, но стороны остались при своем. Тоссини требовали долю либо астрономические отступные за уход с месторождения. Транспортники не соглашались. Земли принадлежали им, и идти на уступки самозванцам Лига считала ниже своего достоинства. Совет директоров шел до конца. Тоссини тоже. Расплевавшись, стороны разошлись, но транспортники выдвинули ультиматум. Криминальные боссы и их люди должны покинуть рудник в течение семи дней, иначе Лига прибегнет к силе. Тоссини лишь рассмеялись в ответ на угрозу.

Однако преамбула конфликта включала и еще одного игрока, пожалуй, самого главного: законного владельца Изiane. Тоссини выпустили его из вида, Лига же действовала на свой страх и риск, обдывая делишки втайне. Разумеется, это не могло ускользнуть от внимания Эмадины и ее правительственных верхов.

Эмадинская разведка появилась на Изiane как раз в тот момент, когда делегации разъехались, обменявшись «любезностями». Недолгий сбор данных лег в основу экстренного доклада, результатом которого была посылка на планету роты десантной дивизии и трех эсминцев орбитального базирования. Эмадина сделала шаг, логичный для всякого хозяина, который вдруг обнаружил, что в его доме завелся вор. Войска быстро заняли рудник и окрестности, арестовали и разоружили всех бандитов. Следом правительство Эмадины сделало официальное заявление, в котором напомнило, что Изiana находится под ее протекторатом уже больше двухсот лет и никто в обход установленных правил не может вести на ней дела.

Транспортная Лига совершила ошибку, срочно требовалось что-то предпринять. Выбор оказался невелик: либо отступить, либо и дальше настаивать на своем праве на владение месторождением. Формально Лига была права, но Эмадина имела приоритет в подобных вопросах и могла аннулировать любые соглашения, заключенные без ее ведома на ее территории.

Что и было сделано в рекордные сроки, быстро и с полным соблюдением трансгалактического законодательства. Лига получила постановление суда о том, что лишается всех прав на разработку алмазов и не должна приближаться к Изiane ближе чем на парсек.

Братья Тоссини, как говорят, сошли со сцены; они исчезли, и не исключено, что не без помощи эмадинской разведки, получившей приказ очистить территорию от криминала, чтобы не путался под ногами. Во всяком случае, точно о братьях никто ничего не знал.

Джнахин думал, что все было предсказуемо. Дело шло к войне. Вероятно, не будь Лига столь могущественной, влиятельной и богатой, она бы просто отошла в сторону и сделала вид, что ничего не случилось. Но она была именно такой – могущественной, богатой и влиятельной. В Центральном Кластере каждый пятый груз перевозился ее кораблями, в том числе грузы Эмадины. Как только Совет директоров решил, что сдаваться не намерен, она сразу почувствовала на себе ответный ход транспортников.

Все контракты с Эмадиной были разорваны, а буквально на следующий день на Изiane пролилась кровь. Группа вооруженных до зубов наемников атаковала лагерь десантников и уничтожила почти всех. Выживших захватили в плен. Одновременно с этим находящиеся на орбите эсминцы подверглись атаке неизвестных кораблей, начиненных ядерными фугасами. Внезапность и дерзость нападения не оставили эмадинцам шанса. Звездолеты были уничтожены.

Пользуясь суматохой и вбрасывая по всем каналам большие дозы дезинформации, Лига заняла участок снова и начала готовиться к обороне. У нее было достаточно денег, чтобы купить столько людей, сколько потребуется. Более того, ее корабли, куда более современные и хорошо вооруженные, чем у противника, встали на подступах к Изiane и в первом же бою, когда Эмадина в отчаянии нанесла ответный удар, разбила вражескую эскадру в пух и прах.

Совет директоров Лиги показал зубы, и они оказались чрезвычайно острыми.

Стало ясно, что малой кровью конфликт не обойдется. Противники готовились к новой схватке. Для наемников это было лучшее время, и все ждали, когда Лига официально откроет набор. Но транспортники тянули до последнего, вероятно, полагая, что взяли врага на испуг. Оценки военного потенциала сторон были явно не в пользу Эмадины, которая ни в какое сравнение не шла с мирами Элуанского Союза ни в экономическом, ни в политическом отношении. Транспортники рассчитывали, что эмадинцы не решатся воевать за Изianу, уже потеряв часть флота и живой силы.

Совет директоров ошибся. Делая вид, что колеблется, Эмадина готовила свой ход. В это же время Большая Пятерка, от которой логично ждали комментариев, заявила, что не намерена вмешиваться в конфликт до той поры, пока это не затронет ее интересов.

Некоторые сразу усмотрели в этом уловку, ибо «интересы» Пятерки теоретически могли распространяться на весь Центральный Кластер, а то и за его пределы. Другие аналитики утверждали, что Лига, несомненно, имея связи в верхах Элуанского Союза, успела убедить его не вмешиваться. В обмен на некие бонусы.

Впрочем, тонкости большой политики Джнахина не интересовали.

Он был капитаном специального подразделения, воюющего за деньги, и, естественно, заботился о выгоде для своих ребят и себя.

– Лига закрепляется на Изiane, подтягивая все больше сил, – сказал Саво Кабил, когда Метьяри закончил распинаться; здоровяк был неплохо осведомлен, куда больше, чем большинство тех, кто стремился получить профит в заварушке. – Эмадина не отстает и готовится нанести еще один визит.

Фаррел кивнул и подозвал Джиа, чтобы заказать еще выпивки.

– Значит, эмадинцы уперлись...

– Игра стоит свеч, – отозвался Титус Фанн, барабанив пальцами по столу. – Лига набирает подразделения и одиночек и сразу перебрасывает их на Изриану. Говорят, там уже не меньше тысячи.

– Меня интересует Эмадина, – сказал Фаррел.

– Нас тоже, – заметил альбинос.

– Выбор сделан?

– Да.

– Я не с Лигой, – сказал Метьяри.

– И я, – поднял руку Фанн.

– Я как все. Ненавижу торгашей. Да-да, банально, но хотя Лига и швыряется деньгами по всем сторонами Галактики, я близко к ним не подойду, – прибавил Саво Кабил.

– Полагаю, у вас царит полное согласие? – спросил Фаррел.

Он имел в виду солдат, что воевали под началом капитанов.

Метьяри ощерился.

– У меня да.

– Не об этом речь, Фаррел, – помотал головой альбинос. – Все хибо собираются воевать за Эмадину... ну, не считая разных психов.

Джиа принесла пиво. Хорошая девочка. Назвав ее «золотцем» – за цвет блестящих вставок корпуса, – Джнахин отстегнул роботу чаевые. В счет Шунна, конечно.

– Так откуда у Эмадины деньги? – спросил он, по очереди оглядев наемников.

– Проще простого. Заем у Центрального банка Нарджи. Немалый заем, надо сказать, – ответил Саво.

– Думаю, эмадинцы рассчитывают расплачиваться алмазами, – сказал Метьяри. – Ни под что другое нарджи не дали бы такую сумму. Что такое Эмадина по меркам Большой Пятерки? Нищоброды...

– Выходит, Нарджи уверена в победе, – подвел итог Фаррел.

– Выходит, так, – кивнул Титус.

Джнахин не был банкиром, но понимал, что риск велик.

Лига могла выбить из Эмадины на Изриане все дерьмо. И тогда плакали нарджийские монетки...

Кабил точно угадал, о чем думает Фаррел.

– Транспортники делают ставку на количество, – сказал альбинос. – Армия Эмадины не так велика и не так боеспособна, чтобы вести долгую войну.

– Масштабную войну, – поправил Титус Фанн.

Саво продолжил:

– Поэтому Лига рассчитывает порвать эмадинцев на тряпки как можно быстрее да еще сэкономить. Показательная порка и хороший пинок под зад. Стратегия Лиги очевидна. Она не воспринимает Эмадину всерьез.

– В смысле? – поднял бровь Джнахин.

– Лига берет всех подряд, всех, кто думает, что умеет воевать, включая толпы обычных уголовников, не имеющих понятия о дисциплине и выучке. Это сброд. Насколько нам известно, ни одна уважающая себя группа не пошла под знамена Лиги. Причины разные, но, в основном, деньги.

– Хочешь сказать, Эмадина делает по-другому?

– Именно. В их Генштабе не дураки сидят. В отличие от транспортников, генералы понимают, что успех в войне на поверхности – это малочисленные профессиональные группы. То есть мы. В первую очередь эмадинцы обратились к нам.

Фаррел кивнул, признавая, что здравый смысл здесь есть.

– Им нужны профессионалы, и они готовы платить, – сказал Саво Кабил. – И это все, что лично мне надо знать.

– И скольких Эмадина уже приняла? – спросил Фаррел, ощущая легкость в голове. Пиво работало.

– Кажется, десяток групп точно, – ответил Роваш.

– Например?

– Исмею Дарру. Помнишь?

– Змею? Еще бы, – улыбнулся Джнахин. – Ей бы подошло прозвище Демоница.

– Рьяти Никас, – подсказал Фанн.

– Он еще жив? – Фаррел искренне удивился. Этот сумасшедший тип всегда лез со своими парнями на рожон и частенько огребал по этой причине гору неприятностей.

– Есть и другие, – вставил Метьяри. – Заключив с нами контракт, Эмадина не прогадает.

– И вы?

– Да. Вербовочный пункт находится на Орбитоне. Большинство народу вылетает прямо завтра. Так что ты вовремя. Ты один?

– Пока один, – ответил Фаррел. На Пилитран он прибыл прямо с Хибрании, где его «Секиры» отдыхали после очередной поездки в местечко, лишь немногим отличающееся от преисподней.

Угораздило тогда Фаррела взяться за работу.

Эта ошибка стоила ему бойца. Теперь группа нуждалась в снайпере, и Джнахин ломал голову, где его взять.

Наемники допили пиво. Метьяри рыгнул, прикрыв рот.

– Что скажешь, Немой? – спросил альбинос.

– Я не люблю, когда меня так называют, – буркнул Джнахин.

– Успокойся, ты останешься крутым вне зависимости от прозвищ, – успокоил его Саво. Фаррел ответил кислой усмешкой.

Если говорить в целом, то заварушка на Изиане дурно пахивала и сулила массу неприятностей; но наемник не должен рассуждать о подобных вещах, верно?.. Его задача отрабатывать деньги, отсыпаемые щедрой рукой нанимателя, и вопросов не задавать. Но Джнахин хотел выбрать правильную сторону.

– Когда вылет? – спросил он, ставя на стол пустую кружку.

– Завтра в четыре по местному времени.

При посадке Фаррел заметил, как много кораблей в порту. Значит, они хибранийские.

– Ладно.

Титус Фанн рассмеялся, почесывая щеку.

– Тряхнем стариной, а? Мои детишки давно ждали такого.

Джнахин сравнил его с драчливым подростком, не упускающим случая помахать кулаками.

Саво Кабил и Роваш Метьяри поднялись одновременно, отодвинув стулья.

– Мы в лагерь у реки. Хочешь с нами? Нехилая пьянка намечается. Куча народа друга друга не видела, и есть, что отметить...

Кого-то война разлучает, кого-то сводит. Для многих соплеменников Фаррела она была часто единственным поводом собраться ненадолго вместе.

– Иду. – Джнахин взял шлем.

Вечеринка вечеринкой, а ему нужен снайпер; пока есть время, капитан собирался заняться поисками.

Наемники забрали свое оружие и вышли из паба в теплую пилитранскую ночь. Северный сектор накрыла тьма. В основном территория вне сияющего огнями космопорта была неосвященной. У подавляющего большинства местных нет средств оплачивать лишнее электриче-

ство; вдобавок Джнахин слышал, что свет может привлечь бандитов из городского дна, считающих, что раз кто-то может себе позволить такую роскошь, у него найдется, что взять.

Поэтому идти по немало шумным, но темным улицам было странно. Хибранийцы взяли курс к реке. Джнахин прислушивался к болтовне Кабила и Метьяри, не вступая в разговор, и улавливал речь на хибо. Встречавшиеся тут и там одиночки и группки нередко оказывались соплеменниками. Впрочем, и не только. Наемники других рас тоже стремились попытать счастья под знаменами Эмадины. Джнахин думал, что большинству ничего не светит; если заказчики делают ставку на настоящих профессионалов, то шантрапе лучше занять сторону Лиги либо отвалить. «Счастливищиков» Лига без колебаний пошлет на убой.

Так всегда было и так всегда будет, пока существует Галактика.

Пройдя несколько темных кварталов – свет ярко горел лишь в питейных заведениях и игорных домиках, – хибранийцы свернули к реке. Космопорт Северного сектора скрылся за вершиной холма, застроенного бедными, но крепкими на вид каменными домами. Фаррел повернул голову налево. Он заметил, что корабли продолжали прибывать. На пять новеньких приходился всего один, покидающий планету. Небо было полно движения.

Титус, Саво и Роваш о чем-то спорили всю дорогу до лагеря. Джнахин не вникал. Что-то о достоинствах товаранских дробовиков, кажется.

Наконец, плывущий с кухонь под открытым небом запах дал понять, что пришли.

Здесь было, на что посмотреть.

Хибранийцы превратили арендованные площади – три больших ангара и территорию рядом, до самой реки, – в небольшой город; даже раскошелились на электричество, чтобы не топтаться в потемках. Джнахин осмотрелся. На фоне окружающей тьмы лагерь наемников выглядел ярким звездным скоплением – это издали; вблизи любой сравнил бы его с шумной стоянкой кочевников. Или даже, подумал Джнахин, передвижным цирком.

Так оно, в сущности, и было. Хибрания там, где твои соплеменники.

– Ну, чего стоишь? – Метьяри пихнул Фаррела в бок. – Чувствуй себя как дома. Мы обосновались в том ангаре.

Капитан проследил за рукой. Это крытое гофрированным армопластом помещение он окрестил про себя «номер один». Другие два располагались вдоль реки справа, как вагоны монорельса. Ворота были нараспашку, внутри все клубилось. Фаррел видел людей в броне и изредка без нее, в основном гостей. Громадное помещение ангара перегородили для разных нужд, создав что-то вроде комнат, где хибранийцы занимались своими обычными делами. Кто-то выпивал перед готовящейся большой вечеринкой, кто-то отдыхал после долгого перелета, кто-то играл в карты, кто-то просто трепал языком, вспоминая старые времена. Этим занимались, по большей части, убеленные сединами ветераны. Дети и подростки, которых, к удивлению, тут было немало, носились по лагерю, устраивая обычный для себя гвалт. На них не обращали внимания, и даже не каждая потасовка требовала внимания взрослых. Драки среди детей всегда носили, скорее, ритуальный характер, как в стае хищников, где щенкам позволялось оттачивать свою агрессивность.

Новый порыв ветра снова донес до ноздрей Фаррела запах еды, теперь он был куда гуще и разнообразнее. Получить порцию традиционной кухни хибо мог любой желающий, чем и пользовались особенно охочие до бесплатного угощения охотники; все с пылу с жару – капитан почувствовал, как рот наполняется слюной.

Проклятье, как же давно он не ел приличной пищи! Даже привыкнув к пайкам и концентратам, нелегко забыть вкус родной кухни.

«Становлюсь сентиментальным. Ностальгирую».

Фаррел шел следом за друзьями и чувствовал самую настоящую робость. Столько соплеменников сразу – когда в последний раз он видел столько народу, говорящих на хибо? Кажется, только на *Войне Детей*²⁶. А было это десять с лишним лет назад...

Повсюду боевые доспехи разных расцветок, украшенные эмблемами спецгрупп, самопровозглашенных кланов и просто рисунками и надписями, результатами индивидуального творчества. Некоторые бойцы напоминали ходячую стену, исчерканную граффити. Джнахин со своими секирами и звездами смотрелся рядом с ними невзрачным старым вороном на фоне пестрых тропических птиц.

Здесь собрались хибо со всей Галактики, и они счастливы, словно идут не на войну, где могут погибнуть, а завтра вылетают на пикник.

Фаррел пожалел, что не взял на Пилитран своих ребят. Им было бы полезно развеяться после последней заварушки и гибели Дирка Фогуа.

Наемники привели капитана в ангар «номер один». Народ до сих пор прибывал, внутри стало шумно, но никого это не напрягало. Втянутый в пестрый водоворот, Фаррел обнаружил себя в компании давних знакомых. О многих из них он не вспоминал годами, а о многих слышал, что они мертвы и похоронены – кто с почестями, а кто сгнил в общей могиле с чужаками в далеком проклятом мире; о других же болтали, что они перестали быть воинами и осели где-то, обзавелись семьями и богатством. Но жизнь, как всегда, оказалась коварной стервой и снова доказала, что ей плевать на все. Фаррел встретил друзей, ему было достаточно.

Спустя примерно полчаса Джнахин, уже подавленный наплывом впечатлений, вышел вдохнуть свежего воздуха. Шум начинал его утомлять.

Под открытым небом разворачивалось гулянье. Из города только что подвезли несколько пятисотлитровых бочек с пивом и грузовик закусок. Фаррел уселся на пластиковый контейнер, стоящий возле вездехода с пыльными колесами, чтобы понаблюдать за действием, и подумал, что своим гвалтом наемники скоро перебудят весь Северный сектор. По этой причине – крайней раскованности в том, что касалось «правил приличия», – хибранийцев с неохотой принимали на «цивилизованных» планетах. Оседлые не любят бродяг, занимающихся грязной работой, не умеющих, по их мнению, ни общаться, ни отдыхать. Так повелось с начала времен, Фаррел не видел способа заставить чужаков думать о хибо иначе, разве что изменить саму Хибранию. Это казалось невозможным.

Он хотел побыть чуть в стороне, но все равно шум был повсюду. На выпивку народ повалил валом, обещая скоро превратить это место в настоящий сумасшедший дом. Организаторам и добровольцам, следящим за порядком, придется изрядно поработать, чтобы не допустить хаоса. Нелегкое дело, учитывая, каков здешний контингент.

Старый мэр Скану Оджимура ни за что бы не допустил на территории города, даже в этих трущобах, такого безобразия.

Но легче сменить мэра, чем поменять натуру хибо, верно?

Наконец, кто-то включил музыку. Пульсирующие низкие частоты принялись бить по земле.

– Фаррел Джнахин?

Краем глаза он заметил чью-то фигуру. Повернув голову, капитан увидел девушку в боевой броне, шлем она держала под мышкой. Фаррелу хватило одного быстрого взгляда. Экипировка явно не из дешевых, модернизирована под нужды хозяйки и сидит ладно на отличной высокой фигуре.

И никакой символики.

²⁶ Война Детей (5017 г.) – конфликт между двумя религиозными группами на Борборе, где хибранийские ударные соединения воевали на стороне прогрессистов и нанесли армии сторонников крайнего фундаментализма сокрушительное поражение.

– Капитан? – приподняв бровь, снова спросила незнакомка, которой на вид было не больше двадцати пяти. – Я не ошиблась?

– Он самый. – Джнахин повернулся так, чтобы сидеть лицом к ней. Свет от фонарей отразился от ее гладко выбритой головы. – Вопросы?

Незнакомка решила сразу приступить к делу, оставив знакомство на потом.

– Я слышала, вам нужен снайпер. Хочу попасть в вашу группу.

Глава 3

Пространство Неприсоединения.

Пилитран. Сканы Оджимур. Северный сектор, временный лагерь хибо.

Три недели до начала Изнанской кампании

Асура знала, что есть охотники настолько ленивые, что работают они лишь тогда, когда пустеет их банковский счет. Встречались ей и субъекты, полагавшие себя истинными художниками, далекими от меркантильных интересов. На поверку они оказывались всего лишь банальными трусами, боящимися провала и смерти; Асура не могла взять в толк, зачем в таком случае они выбирают это ремесло, ведь существует много куда более безопасных способов подстегнуть адреналин, не рискуя, что тебе отстрелят голову.

Да, она знала, как это бывает. Однажды ей довелось увлечься таким человеком. Поначалу он показался ей настоящим романтическим героем, из тех, у кого благородная тоска во взгляде и пламень в сердце. И он был красив – как породистый зверь, гибкий, страстный, опасный.

Так Асура думала до некоторых пор, пока не поняла, что, пожалуй, кроме хорошего секса, этот чудо-самец не может дать ей ничего. У него было отличное снаряжение, отличное оружие и, по его словам, отличная клиентура... а еще трусливая душонка позера.

Стоило спастись любовной пелене, Асура вмиг поняла, что на самом деле стоит этот тип. Дело было не в том, что он родом с Мэйди. Она не терпела, когда кто-то лжет, чтобы набить себе цену, и бежит в кусты при первой опасности.

Удивительно, какую власть чувства иногда имеют над разумом. Разве Асура с первой минуты не поняла, кто перед ней? Наверное, да, просто не хотела себе признаваться. Хотя бы на время ей требовалось чего-то подобного... – окунуться в омут с головой и забыть об осторожности.

Чудо-самец еще пытался все исправить, но Асура не поддавалась. В романтических отношениях она рвала связи сразу и навсегда.

Ее любовник тоже работал, лишь когда приспичит. Он был из богатой семьи, но жил самостоятельно, не завися от их финансов, и это могло бы служить хорошей рекомендацией. Но Асура знала, что чудо-самец всего лишь избалованное дитя. Все его контракты были не опаснее работы охранника в каком-нибудь дворце, но и за них он брался с величайшей неохотой.

Асуре, выросшей в иной среде, это казалось отвратительным. Она не могла целыми днями лежать на диване и смотреть в потолок, от отсутствия работы, казалось, кровь застаивалась у нее в жилах. Охотнице нужно было постоянно двигаться и что-то делать, иначе ее разум грозил взбунтоваться. Возможно, это лишний раз указывало на отсутствие должного терпения, но Асуре было плевать. Она искала заказы где только можно, и бывали минуты, когда жалела, что не завела себе агента где-нибудь на Пакс Тинаке. Но тогда пришлось бы отдавать этому сквалыге приличный процент, а то, что все агенты сквалыги, к гадалке не ходи. Родившаяся в семье полунищих фермеров и ведя позже аскетичную жизнь ученицы Лам Лаа, Асура не имела шансов научиться быть небрежной с деньгами. Кто-то назвал бы это жадностью. Что ж, такова жизнь.

С Фаастена работа обходила ее стороной. Асура прикладывала немало усилий, чтобы найти какую-нибудь лазейку, но тщетно. Было место в службе охраны на Тридже-10, но его занял более ушлый наемник. Еще несколько потенциальных заказов тоже сорвались у нее прямо с крючка.

Шли бесполезные бессмысленные дни; Асура либо гуляла, бесцельно слоняясь по улицам города, либо сидела у окна, глядя на живописный вид.

В конце концов охотница стала всей душой ненавидеть планету, на которой жила последние пять лет. Когда-то Коллайтрис понравилась ей строгой изысканностью природы и мягким

климатом. Этот мир был чуть в стороне от оживленных зон Центрального Кластера. Наемнице иногда требовалось побыть в одиночестве, и он отлично подходил на роль пещерки, где можно укрыться. Однако все время сидеть на Коллайтрис и ждать у моря погоды она не могла.

Асуре оставалось только стиснуть зубы и переживать вынужденное безделье как болезнь. И, конечно, продолжать поиски.

Примерно за полторы недели до прилета Фаррела Джнахина на Пилитран с ней связался Аддой Хорн. Прямо с Окизи.

Охотница собирала вещи, чтобы прошвырнуться по рынкам наемников – она решила, что хватит сидеть на одном месте, и упаковывала рюкзак.

Настольный коммуникатор мигнул, разворачивая голограмму.

– Привет, – сказал Аддой, удивленно глянув на кровать, где лежали сегменты боевой экипировки. – Кажется, я вовремя.

– Не совсем, – по-шакальи улыбнулась Асура. – Мне пора. Если я проведу здесь еще хоть день, я окончательно свихнусь.

Ее депрессия, кажется, всерьез взялась за дело.

Аддой задумчиво склонил голову набок. В кои-то веки он носил самую обычную домашнюю одежду, а не доспехи.

У него был дом на Окизи, была семья. Гигант считался ветераном, вдобавок пару лет назад потерял левую руку. Ее заменили, нарастив идентичную, но для Хорна это стало поводом притормозить.

Асура подозревала, что Аддой, как все старики, боится будущего.

Старый добрый Большой Хорн.

– Ясно. Черная полоса.

– Чернее не бывает. – Асура демонстративно уперла руки в бока, разглядывая вещи. Втайне она надеялась, что неожиданный гость отвалит и оставит ее одну.

– Со всеми такое случается, – сказал Аддой.

– Знаю.

– Тут такое дело. Тебе нужна работа?

Асура едва не подпрыгнула. Да он издевается?

Воззрившись на голограмму, охотница пожалела, что не может дать Хорну по морде. Наплевать, что это выглядело бы чрезвычайно неподобающе с ее стороны.

Гигант улыбнулся.

– Информация надежна, но пока о ней мало кто знает. Мы надеемся, все надеемся, скоро получить хорошую работу.

Асура облизнула губы. «Мы» и «все» могло значить, что грядет большая заварушка.

– Слышала об Иззианском кризисе? Инфоканалы Экстрагала, по крайней мере центральные, его уже освещали.

– Слышала. – Она села на подлокотник кресла. – Рассказывай.

– Будет война. Эмадина и Лига всерьез сцепились после той выходки – с начиненными ядерными бомбами грузовиками, – сказал наемник – В сущности, Лига объявила войну суверенному государству. Вчера вечером Эмадина ответила, но снова потерпела поражение. Ее эскадру разбили.

Асура покачала головой. Кажется, боссам Лиги изменило чувство реальности.

– В общем, – прибавил Хорн, – транспортники знают, что Эмадина теперь всерьез завязла в этом конфликте. Они вынудили ее.

– Но у Эмадины нет хорошей армии, одно название.

– Теперь будет. На денежки нарджийцев она намерена нанять профессионалов.

Асура понимала, что это значит. У хибо будет много работы.

– Когда? – спросила она.

– Мы не знаем, но, думается, в ближайшие дни ситуация прояснится.

Охотница имела в виду место сбора, куда бы она могла отправиться.

– А Лига? Может, она заплатит больше?

– Вряд ли, – поморщился Аддой. – Транспортники хотят решить дело быстро и думают, что количество войск имеет решающее значение. Поэтому по дешевке они скупают всякий мусор. Насколько я знаю, от Лиги нашим ни одного предложения пока не поступало. Группы или даже одиночки берут слишком дорого. Прилетай на Окизи, все обсудим. – Аддой посмотрел куда-то в сторону, Асура заметила, когда он был в профиль, как сильно Большой Хорн постарел. – Никто не хочет раскола, и отряды не пойдут воевать друг против друга. Если мы хотим заработать в этой кампании, нам придется выбрать Эмадину.

Асура понимала. Опасность встретить по другую сторону баррикад своего соплеменника всегда была велика.

– Окизи, – сказала она. – Я вылетаю немедленно.

– Все будут рады, – помолчав, отозвался Аддой. – Ты нас забыла, но мы нет.

Охотница отвернулась.

– Ладно. Там и поговорим. Привет семье.

– Хорошо. Ждем.

Они распрощались, и Асура с удвоенной силой принялась собираться. От депрессии не осталось и следа.

Теперь у нее была цель, и жизнь обрела подобие смысла. Охотница закончила со всеми делами за пятнадцать минут; быстро и тщательно проверила, в порядке ли квартира, и вышла. Консьержу она отдала ключи с поручением вернуть их хозяину дома. При этом заплатила вперед за три месяца. Если подтверждение, что она вернется занять место, не придет по окончании срока, пускай хозяин сдает квартиру кому угодно.

Конечно, она не сказала, что отправляется на войну. Здесь никто не знал, чем она занимается, и, в общем, никому не было дела. На Коллайтрисе обыватель нелюбопытный.

С легким сердцем Асура вышла на улицу. В ее рюкзаке было все необходимое, включая сложенную броню и оружие.

Город, где наемница жила пять последних лет, назывался Эолия. Довольно красиво для откровенно сонного уголка, населенного учеными и студентами из местного университета. Здешняя публика была всегда погружена в решение вселенских проблем, а потому невнимательна и ненаблюдательна. Эолия напоминала Асуре оранжерею, где в неге и холе растут разумные растения. Идеально, чтобы спрятаться и избежать вопросов. У нее была легенда, на случай расспросов: она свободный художник, специалист по агротехнике, работает по контрактам, не покидая своего жилища, и лишь иногда вылетает в командировки, если ее присутствие требуется на месте. На всякий случай Асура даже проштудировала кое-какие материалы по теме, чтобы не ударить в грязь лицом. Однако до сих пор никто не проявлял к ней в Эолии особого интереса и не лез под кожу. Пара-тройка поверхностных знакомств, немного игры в обывателя – и довольно. Иной раз охотница чувствовала себя шпионкой. Довольно забавное ощущение.

Поймав воздушное такси, Асура добралась до космопорта. Своим скоггером решила не пользоваться, а добираться до Окизи на перекладных. Главное, попасть на Табартум, откуда на ее вторую родину регулярно ходят пассажирские суда.

Уже через два часа она покидала Коллайтрис на небольшом частном судне, хозяйка которого согласилась подкинуть ее за двадцать световых лет, на край ближайшего звездного скопления. Корабль пропах цветами, чьи запахи многократно перемешались за годы перевозок, но Асура не обращала на это внимания.

Скоро она увидит Окизи. Свой дом, о котором, как выяснилось, скучала все это время.

Грузовик довез ее до планеты Квон, откуда она, тоже на частном корабле, в обмен на присмотр за некоторыми пассажирами, попала на Зелату. Зелата была пыльной из-за частых бурь, суетной, но малонаселенной. Здесь добывали железную руду, и половина населения занималась только этим; другая обслуживала ее. Прождав полтора дня – тридцать пять часов по местному времени, – Асура, которой казалось, что пыль забила каждую пору ее кожи, наконец села на пассажирский лайнер до Миша.

Это не был комфортабельный лайнер, его переоборудовали из большого рефрижератора, где возили мясо. Уровень удобств был соответствующий. Жесткие сиденья, вонь; из-за плохой регулировки антигравитационного генератора, создающего эмуляцию тяготения, корабль постоянно встряхивало. Было чувство, что Асура сидит в фургоне, который едет по кочкам. Бывалые пассажиры терпели, их больше раздражали крики животных и детей, по обыкновению устроивших гвалт в салоне. Охотница попыталась отрешиться, и ей в конце концов удалось даже подремать. Помогла привычка, выработанная тренировками и практикой в полевых условиях. Асура представила довольное лицо Лам Лаа.

Миш был чистым и цивилизованным миром. Наемница задержалась на нем на трое суток, ей требовался отдых. Сняв номер в гостинице, Асура сделала несколько звонков, проверила информационные ленты и тщательно изучила новости по Экстрагалу. Увы, новой информации по Изиане не нашла. Лига и Эмадина готовились к войне, а эксперты всех мастей без конца мусолили последние события и высказывали авторитетные мнения, часто противоположные друг другу. Но все сводилось к одному сценарию. Выброшенные с Изианы, эмадинцы будут вынуждены действовать максимально жестко, и для начала им придется пробить карантин вокруг планеты. Изиана сейчас в кольце боевых кораблей Лиги, контролирующих все ближайшее пространство. Только мощный направленный удар позволит Эмадине проделать в этом панцире брешь и высадить десант.

Асура не была экспертом по космической стратегии, но и она понимала, что без больших жертв не обойдется. На пути к поверхности десант ждет много неприятных сюрпризов. Не все транспорты доберутся. Те, кто сумеет проскочить через игольное ушко в орбитальной обороне, познакомятся с наземными ПВО. В итоге до поле боя дойдет в лучшем случае половина. Подобные сценарии слишком хорошо известны, и генералы регулярных армий, как правило, ничего не видят плохого в том, чтобы использовать наемников как пушечное мясо.

Скверный расклад. Асуре стоило трижды подумать, прежде чем соглашаться. У наемников, заключивших контракт, не было выбора, но у нее – у них! – пока есть. Что решит общее собрание? Сумеют ли капитаны договориться и выработать выгодную тактику? Какие условия предложат вербовщики Эмадины?

Хорн сказал, что они делают ставку на профессионалов, а значит, готовы раскошелиться. Следовательно, генералы вряд ли станут ломиться напрямую, пуская в расход ценный военный ресурс.

Асура никогда не участвовала в столь крупной кампании и в составе больших соединений. Пробовала представить, каково это – масштабное поле боя; на нем роль снайпера кардинально отличается от той, что ей привычна. Там не будет долгого лежания в засаде, ожидания и томительной тоски. Там придется ежеминутно заботиться о выживании...

В конце концов она выбросила сумбурные мысли из головы. К чему торопиться? Может быть, война и не начнется. У сторон всегда остается возможность пойти на попятный.

Теоретически.

Но тогда тьма народа останется без работы.

Поняв, что, наконец, готова к последнему рывку, Асура покинула Миш и отправилась на Табартум. Эта захолустная планета считалась второй по численности соплеменников Асуры. Из двухсот пятидесяти тысяч колонистов больше четверти были хибо-нобар. Они занимались

сельским хозяйством, точнее, скотоводством кочевого типа, и вполне хорошо себя чувствовали в этой роли.

Окизи была дырой, Табартум лишь немногим уступал ей. За время освоения на нем построили только один город – Фафи. Даже не город – перевалочный пункт для торговцев, перевозчиков и существ, странствующих в поисках удачи, включая хибранийских наемников.

Дикий, малоосвоенный мир встретил Асуру ветрами. На континенте, где располагался Фафи, была поздняя осень. Воздух пах снегом, по небу ползли серые тучи.

Асура не стала входить в город и полдня провела в терминале космопорта, где набралось удивительно большое количество разного народа. Были, конечно, и хибо. Некоторые заговаривали с ней, но большинство проходили мимо, вероятно, просто не замечая ее в толпе, ждущей своего рейса. Она думала об Окизи и словах Аддоя. После гибели Лам он всячески стремился оберегать Асуру, хотя его попытки иной раз не вызывали ничего, кроме желания расхохотаться. Вероятно, он считал ее своей третьей дочерью. Тогда папаша из него никудышный.

И все-таки Асура должна была поблагодарить Хорна. Она тяжело переживала потерю матери, и если бы не поддержка его семьи, кто знает, где бы Асура была сейчас. Именно Аддой отговорил ее от бегства с Окизи в неизвестность.

Это лишь кажется, что переживать боль в одиночестве и пустоте в чужих мирах легче, сказал он, но, поверь, есть лучший выход.

Семья Аддоя, в сущности, и стала ее новой семьей.

Они ее помнили. Она... думать об этом было мучительно – Асура ненавидела чувство вины.

Но ведь она пытается!

Глубокой ночью, когда над космопортом уже пошел снег, на ледяном ветру хибранийка стояла в очередь на посадку. Ей не было холодно в броне, но словно сам космос дышал ей в спину.

До Окизи лететь было почти шесть часов, иной раз казалось, эта планета расположена на самом краю вселенной. Порядком измученная перелетами, ожиданием и бессонницей, Асура, наконец, прибыла домой. Космопорт Вилук почти не изменился со временем, просто больше стало деловой суеты. Окизи тоже развивалась, несмотря на отдаленность. Некие личности, слышала Асура, собирались даже открыть на берегу Сухого моря курорт. Места там и правда были красивыми, рядом даже били минеральные источники.

Асура не стала предупреждать Аддоя о своем появлении, а прямо из Вилука, взяв такси-ховер, отправилась в сторону Дод Леквира. Заложенный чуть больше ста лет назад неизвестными людьми и вскоре брошенный, поселок однажды облюбовала группа хибо. Надолго наемники и их семьи здесь оставаться не собирались, но получилось иначе. Почему – не помнят даже старики. Так за пределами Хибрании образовалась еще одна община. Лам Лаа, Аддой Хорн и все, кто летел тогда на «Императоре», были настоящими окизийцами, свой мир-исток они увидели уже в зрелом возрасте.

Сюда привезли Асуру, когда «Император» вернулся из того рейса. Она помнила, что не хотела выходить из корабля, новый чужой мир казался страшным. Лам взяла ее на руки и вынесла наружу, в солнечный день. Асура спрятала лицо у нее на груди, боясь даже краем глаза взглянуть на этих незнакомых людей и незнакомые дома; отовсюду на нее смотрели с любопытством, но никто не задавал Нийоке лишних вопросов.

Отпустив такси, охотница взошла на травянистый холм, стоявший вплотную к Дод Леквиру. С его вершины был виден весь городок. Чувствуя себя героиней какой-то сентиментальной драмы, Асура ловила себя на странных ощущениях.

Блудная дочь возвращается домой... нет, полная чепуха...

С ее точки был виден дом Лам Лаа – в дальнем конце, почти у края, на пригорке. Это построенное еще первыми жителями здание из камня было поистине монументальным; стро-

ители не пожалели больших булыг, могучих бревен и раствора. Во всем облике дома навек отпечаталось нечто дикое, варварское. Таковы были все первые здания Дод Леквира, и, наверное, потому это место так понравилось наемникам: кто теперь знает?.. Асура помнила свой старый дом на Лимее, который с этим не шел ни в какое сравнение. Такие больше подходят для больших шумных семей, какие не редкость у хибранийцев, но после смерти Лам и отъезда Асуры никто не стал занимать его. Перед уходом охотница отдала ключ старейшине, разрешив использовать дом как ему будет угодно, однако, похоже, тот до сих пор стоял пустым.

Иногда хибо были излишне сентиментальны, когда дело касалось традиций. Асуру это забавляло. Не будь она воспитана в их среде, то никогда бы не поверила, что эти жестокие практичные люди способны на такие нежности.

Асура медлила. Сделать следующий шаг оказалось не так-то просто.

Здания, построенные позже, когда хибо обустроивались на новом месте, были на самом деле сборными полевыми боксами. Наемники приобрели их на какой-то распродаже, привезли на Окизи, поставили на фундамент, перестроили под нужды долговременного проживания. Получилось неплохо. Если не учитывать резкий контраст между каменными постройками и изделиями из армопласта, конечно. Этот контраст не заметил бы только слепой, однако общинникам было плевать на эстетику. Их требования к красоте мест стоянок никогда не достигали небес.

Асура подумала, что ничего здесь за эти годы не изменилось. Новых зданий не было, и даже скогтеры и грузовые корабли на посадочной площадке севернее городка остались теми же.

Охотница решила. Извилистая тропинка вела с вершины холма вниз. Асура помнила, как бегала тут ребенком, играя со сверстниками. Большинство их разлетелось по Галактике; кто-то воевал, кто-то отлавливал добычу за звонкую монету, кто-то, наверное, осел и поставил крест на жизни в стиле хибо – случалось и такое. Кто-то погиб, не оставив родичам ни единой весточки. Галактика большая, и сгинуть в ней без следа довольно легко. Для хибранийца такой исход, увы, был не такой уж редкостью.

Со стороны Дод Леквир напоминал сонный провинциальный городок, но Асура чувствовала скопившееся в воздухе напряжение. За ширмой спокойствия всю бурлила жизнь. Воздух пах по-другому, голоса звучали иначе, а уж их обычную музыку охотница знала очень хорошо. Скрытое от неприученного взгляда движение ощущалось повсюду. Это означало только одно: наемники готовились к путешествию. Если все сложится удачно, у них будет хорошая работа и повод кое-что отложить на «черный» день.

В этот час улочки были тихими и пустынными, ветер свободно гулял между домами, поднимая облачка пыли.

Асуру заметили, еще когда она шла по склону, но никто не торопился встречать. Присматривались. Она миновала несколько домов-боксов и остановилась на углу кадо, тихой, явно свидетельствующей, что дети на тренировочном полигоне. Развернулась на триста шестьдесят градусов. За ней тайком наблюдали.

Здесь все как всегда.

А вот и Аддой. Охотница успела забыть, какой он на самом деле огромный. Он шел в ее сторону широким шагом, одетый в броню без шлема. Седоватые волосы трепал ветер.

Когда до Асуры оставался десяток шагов, наемник расставил руки в стороны и засмеялся. – Все ушли на пикник? – спросила охотница.

Невесть какая шутка, но это первое, что пришло ей в голову.

– Нет, малышка, пикник впереди.

Он был прежним Большим Хорном и подтвердил это медвежьими объятиями. Асура подумала, что если бы не броня, ее ребра бы точно треснули.

Появились и другие. Охотница знала их, точно таких, как раньше, но в то же время изменившихся.

– Мы знали, что ты прилетела, – сказал Аддой, уперев руки в бока. – На Окизи от наших глаз не скрыться, малышка.

Асура кивнула, бросив взгляд по сторонам.

Здесь не хватало только Лам.

– Ладно, человек-гора. Где тут можно бросить кости и отдохнуть?

– Где угодно, девочка.

Старейшина Киох Артелл, человек изрядно поживший, а сейчас, на взгляд Асуры, и вовсе древний, подошел к ней и обнял. В общинах нобар старейшин избирали каждые три года, но Артелл был им уже двадцать с лишним лет. Жители Дод Леквира доверяли ему, несмотря на то что Киох никогда не воевал и не охотился за чьими-то головами.

– Твой дом... – Старик, чьей осанке позавидовал бы иной аристократ, вложил в руку Асуры ключ.

– Я же...

– Не начинай снова, – мягко прервал ее Киох, – ты не для этого сюда прилетела, верно?

Что правда, то правда. Она радовалась предстоящей бойне, как может только хибо.

Вскоре вокруг нее собралась небольшая толпа, Асура чувствовала себя не в своей тарелке. Ей не нравилось быть важной персоной.

– Отпразднуем, – сказал Аддой Хорн, обращаясь к горожанам.

Предложение, конечно, поддержали.

На Пилитран окизийцы прибыли за два дня до прилета Фаррела Джнахина, на четырех транспортных кораблях.

Ангары и территория возле них стали временным лагерем, откуда наемники должны были отправиться на Орбитон. Вскоре Эмадина прислала подтверждение об открытии там вербовочного пункта. Стала известна дата. Хибо вплотную занялись подготовкой. Рядовые бойцы и одиночки, которых – пока временно – распределяли в новые подразделения, занимались оружием и снаряжением, ремонтировали технику и контролировали подвоз боеприпасов. Поставщики из ближайших систем охотно брали военные заказы. Хибранийцы всегда платили исправно, и с ними было выгодно иметь дело.

Капитаны частных спецгрупп и ветераны взяли на себя решение оргвопросов и переговоры с Эмадиной. За время, которое наемники провели в Пилитране, состоялись три больших военных совета. Обсуждали возможную стратегию Изнанской кампании; требовалось как можно больше информации, и ее добывали всеми доступными путями, в том числе и с помощью кредитов. Агенты на Пакс Тинак и торговцы данными не могли не нагреть на этом руки, но товар поставляли качественный, пускай иной раз сведений были сущие крупицы. Никто не ссорится с хибо, находясь в здравом уме.

Аддоя Хорна окизийцы снова избрали своим мэду. Так уж повелось – он не раз доказывал, что способен справиться с любыми проблемами, в том числе теми, что не касались непосредственно войны. Умение налаживать связи и решать бытовые вопросы не менее важно.

Сам Большой Хорн не был в восторге, потому что надеялся на иное решение общины. Ему пришлось смириться. Асуре он как-то сказал, что Изiana будет его последней войной. Выживет – сделается мирным обывателем, нет – хрестоматийная смерть в бою всегда предпочтительнее для воина любой другой.

Асуру он назначил своим телохранителем, в ее обязанность входило сопровождать его всюду, включая военные советы. На них она узнала много нового, особенно интересно было наблюдать за внутренней кухней командования. Охотнице никогда не доводилось раньше видеть столько капитанов вместе, да что там, столько бывалых вояк одновременно. Это впечатляло. От этих людей исходила мощь, уверенность, они были экспертами, специалистами

высшего разряда в своем ремесле. Очевидно, транспортники сделали большую ошибку, поставив не на ту лошадку. Асура не знала, что Лига способна противопоставить такой силе.

Двое суток пролетели незаметно. Корабли наемников приходили регулярно, и количество хибранийцев увеличилось. И это были еще не все, кто собрался на Орбитон. Были капитаны, прибывшие одни, без бойцов, оставшихся ждать на отдаленных базах, включая Хибранию.

Накануне вылета наемники решили устроить последнюю вечеринку. Лагерь у реки стремительно превращался в грохочущий вертеп. Это было так по-хибранийски, так трогательно, что Асура, как правило, скептически настроенная к большим сборищам, невольно прониклась общим настроением.

Эти люди улетали воевать, и никто не знал, скольким не повезет и кто именно найдет на Изриане последнее пристанище. Хибо имели право на последнюю вечеринку.

Асура весь день находилась возле Аддоя, однажды даже ездила с ним в космопорт, где Большой Хорн утрясал какие-то вопросы с администрацией.

Охотнице нравилась эта суета. Теперь она с улыбкой вспоминала свои недавние мучения. Приятно все-таки чувствовать себя нужной.

Ближе к вечеру, когда хибо закончили основную часть работы и готовились хорошенько оторваться, Аддой отпустил ее. Одна из дочерей Большого Хорна, Нолла, позвала Асуру прошвырнуться по пабам Северного сектора. Та отказалась. Перекусив у одной из кухонь под открытым небом, охотница смочила горло парой бокалов местного вина, такого сладкого, что ломило зубы, и отправилась в ближайший ангар.

Под металлической крышей царил обычный бедлам – ни пройти ни проехать. Почти все было заставлено двухуровневыми койками для бойцов, ящиками, завалено разной технической дрянью.

Отыскав сектор окизийцев, Асура упала на свое место и уснула почти сразу. Ее не беспокоили крики, хохот и постоянные перемещения по ангару, под сводом которого каждый звук усиливался многократно.

Но ее разбудили – это был Аддой. Сигнал коммуникатора требовал видеосвязи. Асура быстро скинула дрему и увидела уменьшенную голографическую голову гиганта над своим левым предплечьем.

– Я нужна?

– Я по другому поводу. – Похоже, Хорн успел углубиться в процесс, и его взгляд стал излишне весел.

Асура быстро оглядела ангар. Пусто, народ почти в полном составе переместился на улицу, где уже гремела музыка.

– Помню, ты говорила однажды, что хотела бы попасть в какую-нибудь группу.

– Было дело, – сказала охотница, садясь.

– До меня дошла кое-какая информация. Ты слышала о Фарреле Джнахине?

– Один из капитанов? Да. Но не очень много.

– О... он один из лучших, малышка, поверь.

– И?

– Он прилетел сегодня проверить, что здесь и как. В его «Секирах» не хватает снайпера.

Удачное совпадение, да?

Асура прикусила губу.

Большой Хорн в очередной раз решил позаботиться о «бедной девочке».

– Джнахин – один из лучших капитанов, его подразделение золотое. Думаю, тебе стоит попытаться счастья. Сама знаешь, как непросто попасть в хороший отряд.

Все знали. Вопрос в том, хотела ли она.

На самом деле, Фаррел Джнахин, известный под разными кличками – например, Немой, Шпион, Призрак, – входил в число живых легенд. Рассказов и баек о нем Асура слышала много, хотя подозревала, что половина из этого – выдумки; и, как многие охотники-одиночки, мечтала оказаться под его командованием. Фаррел мог ее многому научить, что само по себе было весьма соблазнительно.

А что насчет вписать себя в историю, спросил внутренний голос.

Аддой терпеливо ждал.

Асура потерла лицо правой рукой. После вина она неважно соображала, тело стремилось вновь занять горизонтальное положение.

Гигант выбрал не очень удачное время. Но если судьба дает шанс, почему бы не попытаться?

Охотница почесала глаз.

– Что скажешь? – спросил Большой Хорн.

– Он знает обо мне?

– Нет. Сейчас ты найдешь его в погрузочной зоне, он сидит на контейнере, изображая старика, придавленного грузом лет... – Аддой расплылся в улыбке. – Ошибиться нельзя. Лови момент, малышка, – прибавил он бодро, – и держи меня в курсе.

– Поняла.

Для начала не мешало было бы спросить ее саму. Например, Асура видела себя в числе отряда, собранного только из окизийцев. Совет общины изначально постановил, что разделяться смысла нет, если, конечно, командование Эмадины не решит иначе. Большой Хорн сделал ход конем.

Охотница слезла с кровати и привела себя в порядок. Иной раз надо просто действовать, поменьше задумываясь над происходящим. Взяв в руку шлем, Асура направилась к выходу. Чем ближе был источник звука, тем сильнее она ощущала через пятки удары низких частот. В воздухе носился запах выпивки и еды.

Оказавшись снаружи, охотница свернула направо, прошла мимо поставленных у стены в ряд погрузчиков и трех роботов, занимавшихся ремонтом подвески вездехода. Обогнув машину, Асура увидела ту самую гору контейнеров, а на одном из них человека в темных доспехах.

Охотница подумала, что, если переодеть его в гражданскую одежду, он запросто затеряется в толпе. Такая заурядная внешность не вязалась с образом крутого профессионала. Это не Аддой, бросающийся в глаза ростом и статью. Джнахина можно было принять за простого обывателя, всю жизнь проработавшего в какой-то малозаметной конторе. Конечно, если не считать взгляда, какого не бывает у простых смертных, и чего-то в его позе, наводящего на мысль о хищнике, готовом сделать прыжок.

Вздыхнув, Асура на миг ощутила робость. Она сделала несколько шагов к пирамиде контейнеров и остановилась.

– Фаррел Джнахин? Капитан?

Он повернул голову.

– Я не ошиблась?

Наемник прищурился, его взгляд стремительно пробежал по ее фигуре. Взгляд оценивал, но Асура не ощутила в нем того, что обычно вкладывает туда мужчина.

– Он самый. – Джнахин повернулся. – Вопросы?

– Я слышала, вам нужен снайпер. Хочу попасть в вашу группу.

Фаррел посмотрел ей в глаза. Не зря она сравнила его с хищником.

– Это правда, я ищу хорошего стрелка, – подтвердил Джнахин, кивнув. – Кто передал тебе информацию?

– Аддой Хорн, – ответила Асура.

– Аддой... Он по-прежнему похож на ходячую башню? – Тонкие губы Фаррела разошлись.

– Похож, – подтвердила охотница.

Наемник бросил взгляд на веселящуюся толпу.

– Полагаю, он за тебя ручается?

– Так точно.

– Может, ты сначала назовешь свое имя, девочка? – Взгляд Фаррела стал жестче, и она поняла, что совершила ошибку. Представиться нужно было с первой минуты.

– Асура Ким-Лаа.

– Лаа? Дочь Лам? Нийоки?

– Приемная дочь.

– Ясно. И она учила тебя?

– Всему, что знала. – Асура готова была защищать честь матери. Ей почудилось на миг, что Фаррел собирается отпустить какое-то ядовитое замечание в адрес Мотылька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.